

УДК 910.4(1-924.71):929АНЭ

КРЫМСКИЙ ВОЯЖ ФРАНЦУЗСКОГО ПИСАТЕЛЯ КЛОДА АНЭ.

ГОД 1905-Й¹

Петрова Э. Б.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: petrova_eleonora@mail.ru*

Среди сочинений путешественников по Крыму начала XX в. представляет исторический и литературоведческий интерес книга французского писателя Клода Анэ (Claude Anet; литературный псевдоним Жана Шопфера) «В Персию на автомобиле через Россию и Кавказ» (Париж, 1906), в которой автор описал свой вояж, совершённый в апреле–июне 1905 г. в компании друзей. Их пребывание в Крыму пришлось на 18–21 апреля. За это время путники посетили Севастополь, Балаклаву, Бахчисарай, Ялту и Ливадию. В Ялте Клод Анэ встретился с Максимом Горьким и его гражданской женой – актрисой М. Ф. Андреевой. Они беседовали о революционных событиях 1905 г., о Л. Н. Толстом, его творчестве и мировоззрении.

Ключевые слова: путешественники по Крыму начала XX в., Клод Анэ (Жан Шопфер), А. М. Горький, М. Ф. Андреева, Л. Н. Толстой.

«Путешествия» по Крыму, составленные довольно многими иностранцами в конце XVIII – начале XX в., – важный исторический источник, содержащий самые разнообразные сведения о полуострове после присоединения его к России. Здесь и попытки проследить его историю, и впечатления о богатой природе, этническом разнообразии, особенностях быта, традиций, религиозных верованиях, культуре обитавших в Крыму народов, и описания памятников старины. Это был взгляд со стороны, в значительной мере субъективный и не всегда доброжелательный, что, однако, не умаляет значимости для научных исследований путевых записок иностранцев, которые полезно сравнить между собой, с «путешествиями» российских вояжёров и иного рода источниками.

Со времени присоединения Крыма к России и до Первой мировой войны на полуострове побывало множество людей с самыми разными целями. Кто-то оставался подолгу, старался увидеть и узнать как можно больше, кто-то был в течение короткого времени или просто проездом – и тогда получал лишь поверхностное представление о Крыме. Не все обладали писательским даром и стремились оставить свои впечатления на бумаге. И всё-таки многие, к счастью для нас, это сделали. Преподнесённая ими информация и по объёму, и по значимости неравноценна для науки. Есть сочинения, специально посвящённые путешествию по Крыму, а есть такие, в которых Крым представлен как эпизод в большой поездке по России или по многим странам, но при этом короткий рассказ о пребывании на полуострове может оказаться настоящей «изюминкой» в длинном ряду путевых записок.

---

¹ В работе над статьёй большое участие принял Геннадий Игоревич Беднарчик, выступив в роли переводчика «крымской» части сочинения Клода Анэ. Благодарю его за ряд ценных советов.

Именно таким стала небольшая заметка о четырёхдневном – 18–21 апреля 1905 г. – посещении Крыма проездом в книге известного французского писателя Клода Анэ «В Персию на автомобиле через Россию и Кавказ», увидевшей свет в Париже в 1906 г. [29]. Ни вся книга, ни рассказ о Крыме в ней никогда не публиковались в русском переводе и, насколько мне известно, не фигурировали в научной литературе. Между тем в этом сочинении есть то, что делает лаконичное повествование автора о пребывании на полуострове весьма ценным для специалистов – историков, литературоведов.

Во-первых, нужно отдать должное литературному таланту автора. Перед нами не просто записки путешественника, но произведение мастера словесности. Оно читается как увлекательный приключенческий роман (по тем временам поездка на автомобиле на столь большое расстояние выглядит настоящей авантюрой). Во-вторых, содержащийся в нём рассказ о Крыме абсолютно оригинальный, непохожий на все другие. Особенно ценен для нас пассаж о пребывании французского писателя на ялтинской даче у Алексея Максимовича Горького и его гражданской жены – Марии Фёдоровны Андреевой.

Клод Анэ (Claude Anet; 28 мая 1868, Морж (Швейцария) – 9 января 1931, Париж) – литературный псевдоним Жана Шопфера (Jean Schopfer). Личность необыкновенная, натура творческая, постоянно пребывавшая в состоянии поиска новых впечатлений и собственных достижений, он приобрёл заслуженную известность в Европе и за её пределами. Плодовитый писатель, заядлый путешественник, успешный спортсмен (между прочим, чемпион Франции по теннису 1892 г.). Его любовными и приключенческими, включая исторические, романами зачитывалась вся Франция – и не только. По его книгам снимались полубившиеся публике фильмы с участием выдающихся актёров. Дважды (в 1935 и 1968 гг.), например, экранизировался роман «Майерлинг» (1929 г.).

Клод Анэ не понаслышке знал Россию и в своём художественном творчестве обращался к сюжетам из русской жизни. Это роман «Арина» (1919 г.; экранизировался в 1932 и 1957 гг.); книга «Любовь в России» (1930 г.; сборник из трёх новелл – «Надя», «Вера» и «Соня», в которых анализируется психология любви русской женщины).

Клоду Анэ довелось некоторое время жить в России: в июле 1916 – июне 1918 г. В качестве корреспондента двух парижских газет («Temps», «Le Petit Parisien»), аккредитованного при Временном правительстве, он освещал события русской революции и Гражданской войны. Деятельность француза в Петрограде вызвала подозрение большевиков. В записке, которую Анэ отправил в Париж 2 мая 1918 г. (она опубликована в «Le Petit Parisien»), говорится, что в четыре часа утра в его квартире провели обыск, изъяли все записи, телеграммы, статьи и личную переписку, арестовали, поместив в «небольшую зловонную камеру, где в отсутствии свежего воздуха томились около сорока заключенных: бандиты, фальшивомонетки, спекулянты и лица, заподозренные в контрреволюционной деятельности», но в тот же день после беседы с комиссаром М. С. Урицким отпустили. Анэ рассказывает: «Он задал мне вопросы о моих русских и французских друзьях, составил протокол допроса... Наша беседа с

Урицким протекала в очень спокойной и доброжелательной атмосфере... мы обсудили текущую политическую обстановку и взвесили шансы оппозиционных партий на успех. Урицкий счёл эти шансы нулевыми. Покидая его кабинет, я выразил надежду на то, что мы ещё раз встретимся с ним, когда оба будем более... свободными» (пер. Г. И. Беднарчика) [31]. В июне 1918 г. французский корреспондент покинул Россию.

Главным произведением Клода Анэ о России стала четырёхтомная «Русская революция», опубликованная в Париже в 1917–1919 гг. [30] и представляющая собой собрание главным образом его корреспонденций, отправленных из Петрограда в Париж. В 1920 г. в газете «Таврический голос» на это сочинение появилась рецензия известного крымского историка, профессора Таврического университета Георгия Владимировича Вернадского [8; 9]. Рецензент отмечает, что на Западе мало знают о жизни в России, так как не стремятся о ней знать, между тем корреспонденции Клода Анэ «легко и талантливо написаны и, в общем, дают правдивую и яркую картину русской смуты», «Анэ хорошо осведомлён и за немногими исключениями сравнительно хорошо умеет разбираться в явлениях русской действительности» [9, с. 131–132]. Всё, что происходило в России на глазах Клода Анэ, пишет Вернадский, не могло не вызывать у него ужаса, особенно большевистский режим, его Анэ называет самым кровавым временем во всей истории России. Тем не менее французский писатель верит в то, что Россия «сумеет извлечь для себя урок из ужасного своего испытания. В этом юном народе заложены несчётные силы; в этой “широкой натуре” есть источники, кажущиеся неиссякаемыми. Мучениями приведённая от слов к действительности, Россия примет за ежедневные суровые задачи, исполнение которых одно только поможет ей возобновить своё шествие к великому будущему, которого желают ей все её друзья» [цит. Клода Анэ по: 9, с. 134–135].

Очевидно, что в жизни и творчестве путешественника, писателя, журналиста Клода Анэ Россия занимала значительное место. И именно он, уже побывавший на юге России в 1905 г., оказался в Петербурге-Петрограде во время Первой мировой войны, революций 1917 г. и Гражданской войны. Судьба России была ему безразлична, а под её друзьями он, конечно, понимает и себя самого.

Путешествие Анэ и его друзей. В 1905 г. 37-летний отважный романтик и опытный путешественник Клод Анэ отправился в большой вояж на автомобиле из Бухареста (Румыния) в далёкую Персию (Иран). Он и его спутники первыми в Европе осуществили вояж такого рода – поездку малокомфортабельную и небезопасную. Автомобиль как вид транспорта, рассчитанный на далёкие расстояния, по тем временам был ещё недостаточно освоенным. Ехали, правда, не только на автомобилях, но именно им отводилась главная роль. Да и обстановка в России, через южные регионы которой проезжали путешественники, была весьма напряжённой.

Результатом путешествия стала книга Клода Анэ «В Персию на автомобиле через Россию и Кавказ». Она начинается замечательной фразой, под которой мало кто отказался бы подписаться: «Путешествие – это одно из самых больших удовольствий для человека». В предисловии автор даёт необходимые пояснения относительно того, как родилась идея осуществить столь заманчивый вояж и кто принял в нём участие.

Инициатором предприятия был Эммануэль Бибеску, пожелавший «совершить автомобильное путешествие, более серьёзное, чем прогулка из Тулона в Ниццу», а именно: на Южный берег Крыма и Кавказ. Путеводитель Карла Бедекера подсказал ему, что «между Севастополем и Батумом на Кавказе осуществляется пароходное сообщение». А «Кавказ – это очень живописная горная область». Неплохо было бы там побывать! Своими планами Эммануэль Бибеску поделился с Клодом Анэ. Вместе «путешествуя» с помощью географической карты по Кавказу, они «дошли» до Каспийского моря, а там уж «рукой подать» и до персидского города Решта, ведь «дважды в неделю из Баку в Решт отплывает пароход». Из Решта же неплохая дорога до Тегерана. В общем, решение организовать путешествие довольно быстро было принято.

Из Бухареста выехали 11 апреля 1905 г., конечным пунктом поездки являлся персидский город Исфahan. Дорога от Бухареста до Исфahана и пребывание в Исфahане заняли семь недель. Путь лежал через Россию и её неотъемлемую часть – Крым. Вояж закончился в Константинополе, куда путники прибыли 19 июня 1905 г.

Маршрут путешествия был следующим. Отплыли по Дунаю из Бухареста до Измаила. От Измаила – на автомобилях по территории России: Болград – Аккерман (Белгород-Днестровский) – Татар-Бунары (Татарбунары) – Овидиополь – Одесса. Из Одессы – на пароходе в Севастополь. Далее путь лежал через Крым. По Крыму ехали на автомобилях. Побывали в Севастополе, Балаклаве, Бахчисарае, Ялте, Ливадии. Из Ялты отправились на Кавказ: пароходом – в Батум, поездом – в Кутаис. В Кутаисе сели на поезд, чтобы добраться до Тифлиса, оттуда – в Баку. А из Баку – в Персию: на пароходе – в Энзели, на лодке – в Пир-Базар, на лошадях – в Решт, на автомобилях – в Манджил, Казвин, Тегеран, Кум. Из Кума – на дилижансе в Исфahан: «...мы познали ужасы путешествия на дилижансе по персидской пустыне. К концу шестой недели нашей экспедиции, преодолев многочисленные трудности и лишения, мы прибыли в исфahанский рай, где провели целую неделю», – пишет Анэ. Заранее намеченный обратный маршрут пришлось изменить из-за забастовки в Батуме. Путники погрузились на французскую торговую яхту и отправились по Чёрному морю вдоль северного побережья Турции по направлению: Трапезунд (Трабзон) – Константинополь (Стамбул). На этом последнем пункте путешествия Анэ заканчивает своё повествование.

Такой сложный и длительный вояж необходимо было тщательно подготовить и хорошо продумать (на сборы ушло три месяца), а его участники должны были быть людьми, не побоявшимися осуществить столь рискованное предприятие. Компания оказалась хорошо подобранной, в неё вошли бесстрашные мужчины, спортсмены и любители приключений, а также выносливые представители так называемого слабого пола. Её костяк составили хорошие знакомые Клода Анэ – представители румынского княжеского рода Бибеску (Бибеско), тесно связанные с Францией.

Князь Георге (Георгий) Валентин Бибеску (1880–1941) – первый румынский авиатор и автолюбитель, участник автогонок, один из основателей Румынского автомобильного клуба (1901 г.). С ним, убеждён Анэ, ничего не страшно: «Управляет ли он парусником, или держит в своих руках руль автомобиля, этот человек всегда мыслит в правильном направлении, принимает верное решение, рискует и побеждает».

Его молоденькая жена – княгиня Марта Бибеску (урожд. Марта Лючия Лаховари; 1886–1973. Впоследствии она стала довольно известным писателем). Её кузина – Мишель Шарль Ферекиди (Фередики). Супруг последней – Михай Ферекиди (1842–1926. Известный политический деятель, министр иностранных дел Королевства Румынии в 1885–1888 гг., министр внутренних дел Королевства Румынии в 1897–1899 и 1909–1910 гг.). Князь Эммануэль Бибеску (1874–1917. Коллекционер произведений живописи и почитатель художественного слова) был инициатором экспедиции, а в России – переводчиком для своих спутников, не знавших ни слова по-русски. Сопровождали путников румынский спортсмен Леон Леонида и три механика-водителя – швейцарец Келлер, француз Эжен, румын Гиорги, без которых экспедиция не состоялась бы.

Запаслись оружием – всякое возможно в пути, в особенности в объётой революционным пожаром России. Впрочем, оно не понадобилось, о чём не без юмора рассказывает Анэ.

Вояж, скорее всего, был предпринят не только ради развлечения жаждущей новизны и приключений почтенной публики, хотя Клод Анэ и уверяет нас в том, что он и его спутники путешествовали «просто ради своего удовольствия», потому что им «захотелось отправиться в Персию и насладиться розами Исфахана». Наверняка предполагалось испытание возможности ещё не очень широко распространённого автомобильного транспорта. Но не исключена и более веская причина, например, путники могли выполнять некую дипломатическую миссию, ведь среди участников экспедиции были небезызвестные политические деятели, а события на международной арене не отличались спокойствием.

Ехали на трёх новеньких автомобилях («Мерседес с открытым верхом 1904 года выпуска, 40 лошадиных сил; Мерседес, 20 лошадиных сил; Фиат, 16 лошадиных сил, – оба 1904 года выпуска») со скоростью 30 километров в час, причем, нередко она существенно уменьшалась. Анэ заметил, что в одной из деревень крымского Южного побережья им пришлось ехать со скоростью 8 километров в час – дабы не смущать местную публику. Малая скорость зависела не только от технических возможностей машин, но и от состояния дорог, которые далеко не всегда были приспособлены к автомобильным гонкам.

Пребывание в Крыму. Севастополь, Бахчисарай, Балаклава. Ещё до начала вояжа наши путешественники озадачились политической ситуацией в России, где им предстояло проехать довольно большой путь. «... в России, – пишет Анэ, – произошла революция. Газеты пестрели самыми ужасными заголовками... В Одессе объявлена всеобщая забастовка... В Севастополе произошли волнения в арсеналах... На Кавказе процветает бандитизм на дорогах и погромы в городах, повсеместно – грабежи и убийства, в городах – чрезвычайное положение. В Батуме – анархия, а крестьяне Гори провозгласили республику... Стоит нам занести в маршрутный лист какой-нибудь город, как тут же там вспыхивают беспорядки. Так же случилось и с Ялтой: как только мы подумали о ней, там сразу произошли погромы».

Да, Россия переживала свою Первую революцию. Впрочем, нельзя сказать, что наши путешественники как-то от неё пострадали. Анэ констатирует: «С тех пор как

мы находимся в России, о волнениях и погромах в которой без устали трубят в зарубежной прессе, мы ещё ни разу не видели ни малейшей стычки и ни одного покушения на представителя власти». Кажется, гораздо больше неприятностей доставляли неудобства, с которыми пришлось столкнуться знающим толк в комфорте путникам, в особенности дороги. Впрочем, эта беда сглаживалась очаровательными пейзажами и великолепием крымского апреля, когда, как замечает Анэ, зеленеют луга, цветут миндаль и персики, распустились первоцветы.

В Севастополе, где «слишком шумно и по-военному строго», побывали дважды, но каждый раз совсем недолго. Из Севастополя через Бельбекскую долину направились в Бахчисарай, где в «узкой долине, вдоль длинной, живописной улицы проживает около пятнадцати тысяч татар». При появлении иностранцев весь город «высыпал на улицу, чтобы увидеть уникальное зрелище» – путешественников на автомобилях. В Бахчисарае Анэ и его спутники осмотрели ханский дворец и ханское кладбище, восхитились садами. По дороге из Севастополя в Ялту сделали остановку в монастыре Св. Георгия, затем в «сказочно-миниатюрной», «игрушечной зелёно-голубой» Балаклаве с её уникальной бухтой. Проехали Байдарские ворота, полюбовавшись скалами и морем, и прибыли в Ялту, куда особенно стремились.

Ялта. В гостях у Максима Горького. В Ялте Анэ и его друзья «с жадностью» ищут следы революционных беспорядков, но ничего такого не находят, хотя местные жители и рассказали им, что таковые были – и даже весьма серьёзные. Между тем в Ялте Клода Анэ ожидало нечто очень для него важное: «... мы узнали, что на недалеко расположенной от нас вилле остановился на лечение Максим Горький». Не задумываясь, наш путешественник решил навестить «знаменитого писателя», о котором много слышал и, конечно, был знаком с его произведениями.

К тому времени Максим Горький (Алексей Максимович Пешков; 1868–1936) уже был хорошо известен в Европе. Его сочинения вызывали большой интерес во Франции, их переводили на французский язык, о них много спорили [см. например: 2; 5; 6]. Французский писатель и литературный критик Эжен Мельхиор де Вогюэ в очерке, опубликованном в русском переводе в 1905 г., заметил: «Подобно росту листьев при внезапно наступающей русской весне, репутация Максима Горького прочно установилась менее чем в три года... У него много восторженных поклонников в России, его рассказы начинают переводиться и за границей» [10, с. 3]. В феврале 1905 г. во Франции возникло «Общество друзей русского народа», осудившее арест Горького, последовавший за резко отрицательной реакцией Алексея Максимовича на кровавую расправу властей с мирными демонстрантами 9 января 1905 г. Арест Горького буквально всколыхнул передовое французское общество – в прессе, на митингах звучало требование освободить русского писателя. Анэ, конечно же, обо всём этом был осведомлён и сочувствовал Горькому, как и многие французы. Оказавшись в Ялте и узнав, что Алексей Максимович находится неподалёку, он тут же принимает решение отправиться к нему.

Максим Горький бывал в Крыму неоднократно, иногда жил подолгу. Несколько раз приезжал в 1890-х гг., ежегодно – в 1901–1905-м, затем – в 1916, 1917, 1928 гг., ежегодно – в 1933–1936 гг. Отдыхал, лечился, много и плодотворно работал, здесь у него были замечательные знакомства, встречи, беседы с близкими ему по духу

людьми, среди которых писатели, деятели искусства [см. например: 23, с. 143–155; 11; 24, с. 269–313]. Близким другом, с которым Горький особенно часто виделся в Крыму, стал Антон Павлович Чехов.

В ноябре 1901 – апреле 1902 г. Максим Горький с женой Екатериной Павловной, сыном и дочкой жил на даче «Нюра» в Олеше. Хозяин дачи – сибирский купец Иван Фёдорович Токмаков, поселившийся со своей семьёй в Крыму в начале 80-х гг. XIX в. «Он купил у графа П. П. Шувалова 11 десятин земли – вытянутый от подножия Ай-Петри до моря участок» и построил на нём (по проекту ялтинского архитектора И. М. Котинкова) «двухэтажную деревянную дачу, единственным украшением которой являлись затейливые резные карнизы и наличники. Большая резная деревянная веранда располагалась с южной стороны»; на первом этаже было семь комнат, на втором – четыре (дача «Нюра» до нашего времени не сохранилась) [13, с. 6, 38; 14, с. 311, 342]. На этой даче останавливался «весь цвет российской творческой интеллигенции» [13, с. 38; 14, с. 343].

Олеиз находится недалеко от Гаспры, где жил Лев Николаевич Толстой. Алексей Максимович хотел «быть ближе к Толстому» [20, с. 191]. «С величайшим интересом, напряжённо наблюдал Горький великого русского писателя и мыслителя Льва Николаевича Толстого, с которым в Крыму впервые – и единственный раз – общался так близко и продолжительно» [11, с. 47].

Толстой бывал в Крыму трижды: в первый раз – с ноября 1854 по ноябрь 1855 г. (во время Крымской войны, участником которой являлся), во второй – в марте 1885 г. (сопровождал заболевшего друга князя Л. Д. Урусова), в третий – в сентябре 1901 – июне 1902 г. [см. например: 4; 12; 23, с. 50–60; 24, с. 118–193; 25; 27]. В этот последний приезд он жил с семьёй в Гаспре, в имении графини Софьи Владимировны Паниной (ныне санаторий «Ясная поляна»). В прошлом это поместье с роскошным дворцом принадлежало известному государственному деятелю князю Александру Николаевичу Голицыну. Дворец возводился в 1830-х гг. архитекторами графа М. С. Воронцова – Ф. Ф. Эльсоном и В. Гунтом. По стилю он напоминал Алушкинский дворец Воронцовых. Двухэтажное здание фланкировали трёхъярусные восьмигранные башни с зубцами, окна стрельчатые – всё в духе готики. Роскошна внутренняя отделка. Дворец окружал парк, создававшийся садовником Л. Кремером. После смерти Голицына гаспринское имение сменило несколько владельцев, а в конце XIX в. перешло в собственность графини Паниной, известной своей благотворительностью [см. о ней например: 7, с. 38–44]. Софья Владимировна знала, что Толстой тяжело болел, и пригласила писателя отдохнуть в своё имение, близ моря, где он и отдыхал, и работал – писал.

Через несколько дней по приезде в Крым Максим Горький навестил Льва Николаевича в Гаспре (к тому времени они уже были знакомы, их знакомство состоялась в январе 1900 г. в Москве). Они стали часто видеться, оба были этому рады. Нередко их встречи и беседы проходили в присутствии Антона Павловича Чехова, жившего в Ялте. Иногда и Толстой бывал у Алексея Максимовича в Олеше. Из этих встреч и бесед родился очерк-воспоминание М. Горького «Лев Толстой». «Эта книжка, – пишет Горький, – составилась из отрывочных заметок, которые я писал, живя в Олеше,

когда Лев Николаевич жил в Гаспре, сначала – тяжело больной, потом – одолев болезнь»; «Он много раз и подолгу беседовал со мной; когда жил в Крыму, в Гаспре, я часто бывал у него, он тоже охотно посещал меня, я внимательно и любовно читал его книги... Не хуже других известно мне, что нет человека более достойного имени гения, более сложного и противоречивого и во всём прекрасного», он – «человек человечества» [21, с. 461, 485].

Встречи и беседы с великим мастером слова, мыслителем много дали для души и творчества молодого писателя. Горький с восторгом слушал Толстого, но не со всем соглашался. И даже сделал по-пролетарски прямолинейное заявление: «Во Льве Николаевиче есть много такого, что порою вызывало у меня чувство, близкое ненависти к нему, и опрокидывалось на душу угнетающей тяжестью»; «Он часто казался мне человеком непоколебимо – в глубине души своей – равнодушным к людям, он есть настолько выше, мощнее их, что они все кажутся ему подобными мошкам, а суета сует их – смешной и жалкой» [21, с. 485, 486]. А революционные события начала 1905 г. позволили молодому пролетарскому писателю быть просто непочтительным по отношению к Льву Николаевичу в письме к нему. Чего стоят, например, такие строки: «...вот что я хочу сказать Вам, граф... Вы уже не знаете, чем теперь живут простые рабочие люди нашей страны, Вы не знаете их духовного мира, Вы не можете говорить о желаниях их – Вы утратили это право с той поры, когда перестали прислушиваться к голосу народа... Вы несправедливо присваиваете себе теперь роль выразителя народных желаний» [16, с. 279–280. № 151]. Толстой у Горького – человек неискренний и самовлюблённый [17]. Но тот же Горький восклицал: «Этот человек богоподобен!»; «Это самый удивительный человек, коего я имел наслаждение видеть»; «...самый красивый, мощный и великий» [21, с. 506; 17; 19, с. 426, № 228]. Конечно, нужно учитывать, что Горький неодинаково воспринимал Толстого в разные периоды своей жизни (со временем его пыл смягчился), да и ценил доброе к себе отношение Льва Николаевича, недаром писал ему: «...я знал, что Вы относитесь к людям просто и душевно, но не ожидал, признаться, что именно так хорошо Вы относитесь ко мне» [15]. (Тема «Горький и Толстой» обширна и сложна, она стала предметом исследования многих литературоведов. И сегодня в нашей непростой жизни она кажется особенно актуальной.)

С 29 марта по 7 мая 1905 г. Алексей Максимович отдыхал и лечился в Ялте. Его сопровождала Мария Фёдоровна Андреева. Он познакомился с ней раньше, когда в 1899 г. в Крым (Севастополь и Ялту) на гастроли приезжал московский Художественный театр. Горького восхитила игра замечательной русской актрисы Марии Фёдоровны Андреевой (урожд. Юрковская; 1868–1953), надолго ставшей его другом и гражданской женой [1, с. 40–43, 43–49, см. также: с. 689]. Горького и Андрееву сближали общие политические взгляды. В 1904 г. Мария Фёдоровна стала членом Российской социал-демократической партии. Приверженность к марксизму, большевизму сохранила до конца жизни. Образованная, знавшая многие языки, она стала для Алексея Максимовича не только женой и единомышленницей, но и первым помощником: вела его переписку, перепечатывала рукописи, делала переводы статей из зарубежных изданий, переводила сочинения Горького

на европейские языки. Алексею Максимовичу доводилось принимать иностранцев, в роли переводчика выступала Мария Фёдоровна. Так было и тогда, когда к ним в Ялте пожаловал с визитом Клод Анэ.

Встреча и беседа Максима Горького и М. Ф. Андреевой с французским писателем состоялась 20 апреля. Мария Фёдоровна, замечает в своей книге Анэ, «очень хорошо говорит по-французски... у неё нежный голос и очаровательное произношение. Горький говорит только по-русски, но благодаря посредничеству его жены между нами тремя завязывается довольно содержательная беседа». Для Анэ Лев Толстой и Максим Горький – «самые великие русские писатели» его времени. На него произвело впечатление восхищение Алексея Максимовича такими классиками французской литературы, как Флобер, Мопассан, братья Гонкуры, Анатоль Франс, Пьер Лоти, а Октав Мирбо «потряс Горького до глубины души».

Максим Горький был всесторонне интересен Клоду Анэ. И Анэ обращает внимание на его «неровные черты измученного лица», «ярко-голубые глаза, в которых читается сильная воля и решимость, глаза истрадавшего человека дела, который тратит себя всего, без остатка», на его коренастую, стройную, гибкую фигуру, манеру слушать собеседника. Лицо Алексея Максимовича меняется, когда Анэ говорит о глубокой симпатии к нему французов: «...напряжение на лице писателя спадает, взгляд смягчается, начинают блестеть глаза, а рот расплывается в счастливой, доверчивой улыбке человека большой доброты и душевной молодости». Анэ передаёт печальный рассказ Марии Фёдоровны об аресте Горького вскоре после событий 9 января 1905 г. и о его пребывании в Петропавловской крепости, после чего у него начался сильный кашель – вот почему он оказался в Ялте на лечении.

Клод Анэ счёл нужным как можно подробнее рассказать своим читателям во Франции, в Европе о Максиме Горьком – ведь о его биографии «написано много лжи». Для Анэ очевидно, что Горький сам выбрал для себя тернистый нищенский путь странника, бродяги, познающего мир во всём его многообразии.

А затем следует беседа Клода Анэ, Алексея Максимовича и Марии Фёдоровны о Льве Николаевиче Толстом – это, пожалуй, самая важная часть рассказа французского писателя о его встрече с Горьким в Ялте. «Услышав имя Толстой, Горький посмотрел на меня долгим пристальным взглядом. Он испытывает безграничное восхищение перед творчеством Толстого. Это – самый великий русский писатель... их дружба была безграничной. Горький обожает Толстого-романиста», но при этом считает, что «Толстой-апостол, освещающий революционные события в России, – это совсем другой человек!».

Мария Фёдоровна тут же даёт пояснения: «Толстой – аристократ... Он не знаком с жизнью простого народа, не чувствует его чаяний. Он не имеет никакого морального права выступать от имени народа и говорить то, чего сегодня Россия слышать уже не хочет... Он хочет, чтобы всё человечество встало под знамёна христианской морали и путём духовного очищения, а также волевого решения отказалось от применения насилия».

Очевидно, что Андреева в своём пояснении отразила лишь негативное восприятие Толстого Горьким. Но отношение Алексея Максимовича к гению русской

культуры было гораздо более сложным. Да, он говорил: «По-разному с ним (с Толстым. – Э. П.) мы видели жизнь и судили по-разному»; считал толстовскую философию непротивленчества «противонародной» [28, с. 143, 146]. И в то же время (из воспоминаний о М. Горьком): «О Толстом Алексей Максимович рассказывал с душевным трепетом, почти с обожанием, радуясь тому, что природа может создавать таких великих художников, могучих знатоков человеческих душ» [26, с. 235]. А когда в 1917–1918 гг. «буревестник» революции увидел обратную сторону революции, то выразил протест против «грубейших насилий над человеком», «преступлений против личности», ратуя за то, чтобы «воспитывать в самих себе чувство брезгливости к убийству, чувство отвращения к нему» [22, с. 23, 24].

Покидая своих собеседников, Анэ думает «об этом большом человеке (о Горьком. – Э. П.), за которым стоит жаждающая справедливости многострадальная Россия».

В тот же день Клод Анэ и его спутники гуляли по роскошным паркам Массандры.

Ливадия. 21 апреля путешественники прибыли в Ливадию и посетили императорский дворец в отсутствие царской семьи.

В прошлом ливадийское имение принадлежало графу Льву Севериновичу Потоцкому (1789–1860), после смерти коего перешло к его дочерям и вскоре (в августе 1860 г.) было куплено у них для царской семьи Департаментом Уделов Министерства Императорского Двора. Александр II подарил Ливадию супруге – императрице Марии Александровне. Здесь появилось много разных построек, главные – Большой дворец Марии Александровны и Малый дворец, построенный для Александра III в бытность его наследником престола. Эти дворцы до нашего времени не сохранились: Большой – по причине ветхости разобрали в начале XX в. (на его месте в 1911 г. появилось замечательное произведение выдающегося ялтинского архитектора Н. П. Краснова – ныне существующий белый Ливадийский дворец); Малый – сгорел в конце 1941 г.

В летней царской резиденции Клода Анэ поразили «маленькие комнатки, простая, скромная обстановка» дворца императора Всея Руси. «Любой зажиточный лондонский лавочник имеет куда более шикарную виллу», – заметил он. А ещё его удивило огромное количество солдат, охранявших дворец: «На каждом повороте аллеи дежурит целый взвод, на полянах солдаты выполняют военные упражнения». По-видимому, наш путешественник не учёл, что время было тревожное, революционное. Отсюда и солдаты, и военные упражнения.

21 апреля вечером путники сели в Ялте на пароход и покинули полуостров. В памяти Клода Анэ Крым остался «одним из самых красивых уголков в мире»...

Рис. 1. Клод Анэ.

Рис. 2. Автомобили Клода Анэ и его спутников на постоялом дворе в Бессарабии. Фото из книги Клода Анэ.

Рис. 3. В Одессе. Фото из книги Клода Анэ.

Рис. 4. Главная площадь Севастополя (Екатерининская, Нахимова).
Фото из книги Клода Анэ.

Рис. 5. Вход в Ханский дворец в Бахчисарае.
Фото из книги Клода Анэ.

Рис. 6. В Ханском дворце.
Фото из книги Клода Анэ.

Рис. 7. Георгиевский монастырь у мыса Фиолент, близ Севастополя.
Открытка начала XX в.

Рис. 8. Балаклава (вдали слева остатки генуэзской крепости).
Открытка начала XX в.

Рис. 9. А. М. Горький, М. Ф. Андреева и Клод Анэ в Ялте.
Фото из книги Клода Анэ.

Рис. 10. А. М. Горький и М. Ф. Андреева. Фото 1905 г.

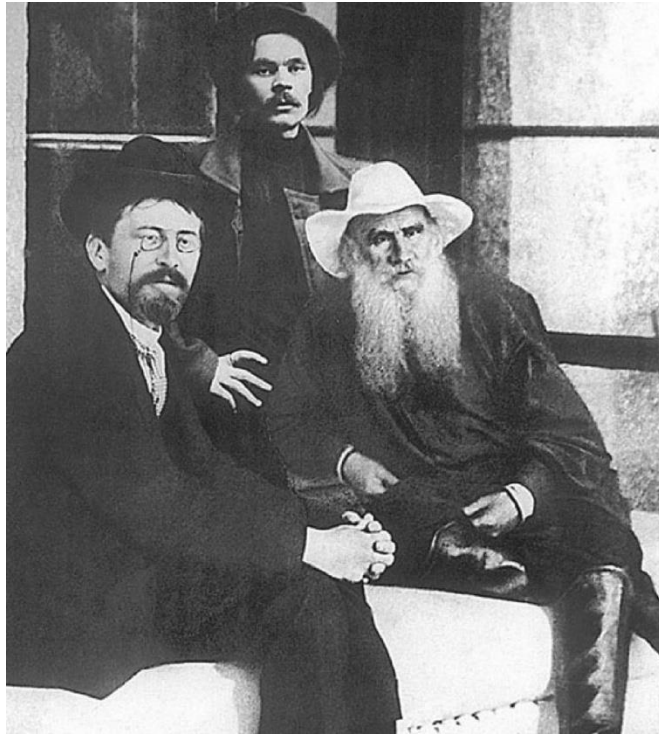

Рис. 11. А. П. Чехов, Л. Н. Толстой и А. М. Горький в Крыму. Фото 1901 г.

Рис. 12. Большой императорский дворец в Ливадии. Фото конца XIX в.

Клод Анэ
В Персию на автомобиле через Россию и Кавказ¹
Предисловие²

Путешествие – это одно из самых больших удовольствий для человека. Открывать для себя быстро сменяющиеся друг друга новые картины природы, проезжать некогда процветающие, а сегодня абсолютно мёртвые города, разыскивать храмы, которые в нашем воображении выглядят величественными и роскошными, а на самом деле представляют собою просто глыбы камней, обнаруживать пустыню и одиночество там, где некогда жили могущественные народы, а затем ехать всё дальше и дальше, не останавливаясь ни на минуту, созерцать оживлённые места и развалины, ощущать то, как, привыкнув к очередному пейзажу, вы сразу же теряете его из виду, причём, теряете навсегда, – какое же это наслаждение и какая мучительная тревога! Мне особенно ценно всё то, что ускользает от меня, и я лихорадочно стремлюсь к неизведанному, но, как только достигаю цели, сразу же теряю её и начинаю с особой страстью любить то, чего уже нет. Может быть, именно в этом и заключается пьянящее чувство радости во время путешествия? Но как всё это объяснить словами тому, кто предпочитает сидеть дома в своём кресле?

Нам захотелось отправиться в Персию и насладиться розами Исфахана³. Для этого мы решили прибегнуть к необычному транспортному средству. Вместо того чтобы отправиться в Баку на поезде, предпочли проехать самую протяжённую часть пути на автомобиле. Таким образом мы пересекли Бессарабию, область, которая ещё долго будет оставаться terra incognita для путешествий на автомобиле; также мы посетили Южный берег Крыма; на Кавказе нас задержали дожди и снега, и после нескольких экскурсий в окрестности Батума и Кутаиса мы сели на поезд; в Персии, в то время как один из нас на своей машине тщетно пытался преодолеть неприступные горы вблизи Табриза⁴, защищающие высокое Иранское плато, остальные автомобили достигли Кума⁵, второго по святости города шахской империи⁶. В этом месте под золотым куполом горделивой мечети покоится святая Фатима, сестра имама Резы, мавзолей которого находится в городе Мешхеде⁷. В Куме у нас возникли проблемы с бензином, и мы познали ужасы путешествия на дилижансе по персидской пустыне. К концу шестой недели нашей экспедиции, преодолев многочисленные трудности и лишения, мы прибыли в исфаханский рай, где провели целую неделю.

Вместе с нами путешествовали две смелые, жизнерадостные, полные энтузиазма и решимости молодые дамы. Привыкшие к комфорту и роскоши, они мужественно переносили бессонные ночи, недостаток питания, пребывание в грязных лачугах,

---

¹Anet Claude. La Perseen automobile a travers la Russie et le Caucase. Paris: Felix Juven, 1906. 313 p. Перевод с французского Г. И. Беднарчика. Комментарии и примечания Э. Б. Петровой.

² [29, p. VII–XII].

³Исфахан – город в Иране (Персии), расположен к югу от Тегерана и Кума.

⁴Табриз (Тебриз) – город в Иране, к востоку от озера Урмия.

⁵Кум – священный город в Иране, находится к югу от Тегерана.

⁶С 1795 по 1925 г. в Персии (в 1935 г. переименованной в Иран) правила династия Каджаров. Правление пятого её шаха – Мозафереддин-шах Каджара – пришлось на 1896–1907 гг.

⁷Мешхед – город на северо-востоке Ирана.

утренние холода, ледяной ветер в горах и убийственную жару пустыни. Они были в Исфахане. И вернулись оттуда целыми и невредимыми...

Так каким же образом семеро трезвомыслящих людей приняли решение отправиться в Исфахан на автомобиле?

Желание совершить автомобильное путешествие, более серьёзное, чем прогулка из Тулона в Ниццу, вдохновило одного из моих друзей – Эммануэля Бибеску – отправиться на Южный берег Крыма, правда, сначала только по карте, следуя путеводителю Бедекера¹, который сообщал, что между Севастополем и Батумом на Кавказе осуществляется пароходное сообщение.

Именно после этого, первого января 1905 года и состоялась наша с ним беседа. Тот, кто хотя бы чуточку знаком с географией, знает, что Кавказ – это очень живописная горная область, где русские построили прекрасные дороги. И вот, правда, пока ещё сидя в кресле, мы уже путешествуем по Кавказу, поднимаемся в долины, пересекаем перевалы, делаем остановки в городах. Вскоре по карте доезжаем до Баку. Здесь перед нами возникает преграда – Каспийское море, поэтому мы проводим в этом нефтяном городе несколько дней. И вдруг Эммануэль говорит мне:

– Ты знаешь, где находится порт Решт?²

– Персидский Решт?

– Именно он.

– На юге, недалеко от Каспийского моря.

– Ты не забыл, что пока мы остановились на несколько дней в Баку?

– Конечно, нет, я как-будто бы вижу перед собой казачьи разъезды на его улицах.

– Так вот, дважды в неделю из Баку в Решт отплывает пароход...

Моё сердце учащённо забилося.

– А из Решта в Тегеран, – продолжает Эммануэль, – русские построили дорогу длиною в триста двадцать пять километров³.

– Больше ни слова! Когда мы отправляемся?

На сборы у нас ушло три месяца.

Между тем в России произошла революция⁴. Газеты пестрели самыми ужасными заголовками. Но больше всего нас интересовали события на юге России. В Одессе объявлена всеобщая забастовка, а ведь Одесса является одним из этапов нашего путешествия. В Севастополе произошли волнения в арсеналах, и этот город тоже числится в нашем маршруте. На Кавказе процветает бандитизм на дорогах и погромы в городах, повсеместно грабежи и убийства, в городах чрезвычайное положение. В Батуме анархия, а крестьяне Гори провозгласили республику. И ведь нам никак не избежать Кавказа на пути в Персию.

---

¹Карл Бедкер (1801–1859) – немецкий издатель. В 1827 г. в Кобленце он открыл книжный магазин и основал издательство путеводителей по разным странам. В 1872 г. его сыновья перевели издательство в Лейпциг. Путеводители («бедкеры») пользовались популярностью в Европе, их знали в России. Кстати, было несколько изданий путеводителей и по России. Издательство Карла Бедкера и ныне существует.

²Решт – город на северо-западе Ирана, к югу от Каспийского моря.

³К 1900 г. Россия проложила шоссейную дорогу, соединившую персидские города Решт и Тегеран.

⁴Революция 1905–1907 гг.

Каждый день газеты печатают мрачные телеграммы о событиях в России. Стоит нам занести в маршрутный лист какой-нибудь город, как тут же там вспыхивают беспорядки. Так же случилось и с Ялтой: как только мы подумали о ней, там сразу произошли погромы. Многие умные головы сочли нашу затею сумасшествием, особенно когда узнали, что мы берём с собой двух молодых женщин.

Но ничто не могло остановить нас. В начале апреля мы уже были в Бухаресте. А теперь, дорогой читатель, настало время познакомить Вас с моими попутчиками: князь Георгий Валентин Бибеску, известный спортсмен, сын знаменитого Бибеску, участвовавшего в Мексиканской кампании и в войне 1870 года¹; его молодая жена, которая даже в пустыне умудрялась отыскать цветы и так красиво декламировала стихи; её кузина, госпожа Мишель С. Ферекиди со своим супругом, выпускником колледжа Людовика Великого; князь Эммануэль Бибеску, инициатор этой экспедиции, взваливший на себя основную ответственность за участок маршрута в Крыму и на Кавказе; господин Леонида, румынский спортсмен, по характеру упрямее бульдога. Кроме этого, с нами были три механика-водителя: швейцарец Келлер; не любящий море француз Эжен и румын-меланхолик Гиорги. Все трое так и не поверили до конца в то, что мы совершаем это путешествие просто ради своего удовольствия.

Нельзя не сказать и о наших трёх замечательных автомобилях: Мерседес с открытым верхом 1904 года выпуска, 40 лошадиных сил; Мерседес, 20 лошадиных сил; Фиат, 16 лошадиных сил, – оба 1904 года выпуска.

А теперь в путь, нас ожидают удивительные приключения!

Крым²

Вторник, 18 апреля. Или дае К семи часам утра, когда мы вышли на палубу корабля, на горизонте в туманной дымке появились расплывчатые очертания крымских берегов. Через некоторое время на бледно-голубом фоне мы увидели горы, а затем и сам Севастополь с его Черноморской эскадрой. Но что это, неужели наш пароход «Великая княгиня Ксения» приняли за японский военный корабль?³ И вот уже на всех парах в нашу сторону несутся пять миноносцев, а за ними следуют два крейсера. Да ведь это манёвры в нашу честь! Мы были весьма благодарны штабу российского флота за это незабываемое зрелище. Севастопольский рейд очень красив и удобен. Как показывает опыт, здесь может укрыться целый флот. Входим в порт. Там уже всю кипит бурная деятельность: строятся новые суда, а в сухих доках ремонтируются старые. Со всех сторон слышатся свистки, сирены и адские удары молота по корабельным заклёпкам. В воздухе постоянно витают клубы пара. Здесь слишком шумно и по-военному строго, поэтому мы задерживаемся в Севастополе всего на несколько часов, чтобы подготовить наши автомобили к поездке в небольшой татарский городок Бахчисарай.

---

¹Отцом Георгия Валентина Бибеску был Георг Бибеску (1834–1902).

² [29, р. 36–57].

³В то время, когда Анэ путешествовал, ещё не закончилась русско-японская война 1904–1905 гг.

Севастополь не представляет для нас большого интереса. Конечно, здесь есть музей обороны города во время войны 1854–1855 годов¹, но это событие произошло так давно, и вообще сейчас мы абсолютно не настроены на рассказы о героических защитниках города. Лучше поинтересуемся актуальными политическими событиями. Один француз показывает мне свежий номер парижской газеты, рассказывающей о том, что весь Севастополь охвачен пламенем революции. Кто бы сомневался!

– Скажите, а в Ялте тоже беспокойно? – спрашиваем мы у нашего соотечественника.

– Я думаю, что все эти сведения сильно преувеличены, – отвечает нам коммерсант-француз, заинтересованный в том, чтобы толпы туристов продолжали приезжать на отдых в тихий и спокойный Крым.

На сегодня у нас запланирован следующий маршрут: ранний обед и отъезд к 11 часам дня в Бахчисарай, расположенный в пятидесяти километрах от Севастополя. Оттуда мы поднимемся в Бельбекскую долину², затем проедем горный перевал в окрестностях Ялты и, наконец, спустимся в этот знаменитый курортный город, получивший прозвище «русская Ницца». По горной дороге Ялта отстоит от Бахчисарая на сто километров. Нам обещают дорогу хорошего качества. Дай Бог, чтобы это так и было!

Наконец в час дня, сопровождаемые проклятиями со стороны многочисленных татарских извозчиков, собравшихся на площади перед нашей гостиницей, мы покидаем Севастополь. Нам хорошо знакомы названия многих севастопольских окрестностей. Какой француз не знает проспектов Альма или Малахов?³ Мы пересекаем город и оказываемся на высоком Малаховом холме. Оттуда направляемся в Бахчисарай через Бельбекскую долину. Нас не обманули: здесь действительно есть хорошие дороги, на которых всё же частенько встречаются неожиданные колдобины. Мне больно видеть, как мой чемодан внезапно подскакивает над багажным автомобилем

---

¹Севастопольский военно-исторический музей открыт в сентябре 1869 г. благодаря сбору средств, организованному газетой «Русский инвалид». Во главе комитета, занимавшегося организацией музея, стоял герой Крымской войны генерал-адъютант Эдуард Иванович Тотлебен. В формировании экспозиции главное участие приняли ветераны обороны Севастополя 1854–1855 гг. и их семьи. Первоначально экспонаты находились в пяти комнатах дома Тотлебена на Екатерининской улице (ныне ул. Ленина). В 1892–1895 гг. по проекту академика архитектуры Александра Мстиславовича Кочетова и при активном участии одесского скульптора Бориса Васильевича Эдуардса для музея построили специальное здание – тоже на улице Екатерининской. Ныне в этом здании находится Музей Краснознамённого Черноморского флота Российской Федерации – преемник Севастопольского военно-исторического музея.

²Бельбекская долина (Бахчисарайский район) – долина реки Бельбек, берущей начало на Главной гряде Крымских гор и впадающей в Чёрное море недалеко от Севастополя – у села Любимовка.

³Альма и Малахов – наименования проспектов в Париже, появившиеся после Крымской войны 1853–1856 гг. Альма – река на северо-западном склоне Горного Крыма. В Альминском сражении 8 (20) сентября 1854 г. русская армия понесла огромные потери – почти 6 тысяч; союзники – 3,5 тысячи (или даже больше). Малахов курган – высота на Корабельной стороне Севастополя (историческое название восточной части Южной стороны Севастополя), где находился бастион 4-й дистанции оборонительной линии, возведённый летом 1854 г. Этот бастион называли Корниловским по имени вице-адмирала Владимира Алексеевича Корнилова, смертельно раненого на Малаховом кургане во время первой бомбардировки Севастополя 5 (17) октября 1854 г. Малахов курган противники штурмовали в июне и сентябре 1855 г. 28 июня (10 июля) 1855 г. здесь получил ранение адмирал Павел Степанович Нахимов, через два дня он скончался. После штурма кургана противником 27 августа (8 сентября) 1855 г. защитники Севастополя вынуждены были оставить бастион. Это был 349-й день обороны Севастополя.

и, совершив кульбит, приземляется на дорожное полотно. Уверен, что если бы мы, следуя за этим авто, не держались крепко за наши сидения, то оказались бы рядом с моим несчастным чемоданом.

Пейзаж просто очаровывает. Из-за запоздалой в этом году весны всё ещё зеленеют луга и цветёт миндаль. Мы наслаждаемся удивительным ощущением открытия абсолютно нового для нас края.

Наконец прибыли в Бахчисарай. В узкой долине, вдоль длинной, живописной улицы проживает около пятнадцати тысяч татар. У въезда в город, на холме расположена казарма, в которой квартирует русский батальон. Мы пересекаем город под оглушительное сопровождение автомобильных гудков. Весь Бахчисарай высыпал на улицу, чтобы увидеть уникальное зрелище. В ходе нашего автомобильного пробега у меня постоянно возникает иллюзия (а может, и не иллюзия) того, что мы посещаем так много стран лишь для того, чтобы развлечь жителей далёких городов. Сидя на корточках в своих настешь распахнутых лавочках, многочисленные бахчисарайские сапожники, портные, мясники, жестянщики, гончары и бакалейщики с явным наслаждением наблюдают за нашим автомобильным караваном. Для них – это бесплатное развлечение. Но мы-то очень хорошо знаем цену этому спектаклю.

В древнем дворце, где когда-то жили татарские ханы, прежние хозяева этого края, нам показали спальню императрицы Екатерины Великой¹. Восточная архитектура дворца довольно невзрачна, но сады, окружённые невысокими зданиями этого комплекса, просто очаровательны. Мы с большим интересом осматриваем ханское кладбище². Здесь множество саркофагов, некоторые датируются XV и XVI веками. В открытых саркофагах растут фиалки и левкои, а над всем кладбищем витает тонкий аромат цветущих персиков. Рядом с могилами выстят хрупкий минарет дворцовой мечети³.

Час спустя (это который же сейчас час? Уже пять?!) мы вновь поднимаемся в Бельбекскую долину. Нам предстоит проехать сто километров по горной дороге и

¹ В январе-июле 1787 г. состоялось грандиозное путешествие Екатерины II из Санкт-Петербурга через западную и центральную части России в Крым. Императрицу сопровождала огромная свита. Пребывание в Крыму продолжалось 13 дней – с 19 по 31 мая (по ст. ст.) 1787 г. Путешественники побывали в Перекопе, Бахчисарае, Инкермане, Севастополе, Симферополе, Карасубазаре (ныне город Белогорск), Старом Крыму, Феодосии. В Бахчисарае Екатерина II провела три дня. Покои для императрицы подготовили в ханском дворце, предварительно его отремонтировав и украсив. Екатерининской комнатой стала ханская спальня, где к приезду знатной гостьи были сделаны существенные преобразования. В комнате установили кровать, привезённую из Петербурга. Эта кровать долгое время стояла на своём месте, являясь одной из достопримечательностей дворца, но в 1990-е гг. её убрали, тогда же была уничтожена экспозиция, посвящённая присоединению Крыма к России в конце XVIII в.

² Ханское кладбище (мезарлык) – часть большого комплекса Бахчисарайского дворца. В этом святом для мусульман месте находятся захоронения крымских ханов, членов ханских семей и представителей высшей дворцовой знати. Здесь возвышаются два мавзолея (дюрбе): северный – Девлет Гирея I (1551 г.), южный – Ислям Гирея III (1654 г.), а также дюрбе-ротонда с погребением Менгли Гирея II (1739 или 1740 г.). На кладбище многочисленны мраморные и известняковые надгробия, богато орнаментированные, большинство из них – с надписями.

³ Большая Ханская мечеть (Биюк Хан-Джами) построена в 1532 г. основателем Бахчисарая – ханом Сахиб Гиреем I (годы правления – 1532–1551). Мечеть неоднократно ремонтировали, перестраивали, что сказалось на изменении облика здания.

ещё пятнадцать по перевалу, прежде чем мы попадём в Ялту. Нижняя часть Бельбекской долины густо населена. Мы проезжаем мимо маленьких домиков, окружённых миленькими садами, мимо ферм, лугов и полей. Вскоре цивилизация заканчивается: более ни одной деревни, ни одной хижины. Мы оказываемся в лесу, в полной тишине. Дорога идёт в гору. В ста метрах выше от меня я вижу, как наше авто в сорок лошадиных сил легко преодолевает горные зигзаги и крутые повороты, а позади меня где-то со скоростью в пятнадцать километров в час плетётся багажный автомобиль. Почти на каждом повороте нас подстерегает выбоина, а сам поворот встречается через каждые сто метров. Наступает вечер, если всё будет идти таким образом, то по такой тяжёлой дороге мы доберёмся до Ялты только ночью! Подъём продолжается. У подножий деревьев замечаем кучки снега.

Наконец мы покидаем лес и подъезжаем к перевалу. И вдруг на повороте дороги перед нами возникает стена высотой в один метр! Наш мощный «Мерседес» бросается на прорыв и вскоре застревает в снегу. Что делать? Перед нами – около пятисот метров сплошного снега, а до Ялты всего лишь двадцать километров. Позади нас – страшная горная дорога в Севастополь протяженностью в сто километров. Да и в котором часу мы доберёмся до Севастополя, не имея во рту и маковой росинки? Но выбора нет, и вот глубокой ночью мы уже едем назад, следуя вдоль обрывов, подпрыгивая на каждой выбоине и приостанавливаясь через каждые сто метров перед очередным крутым виражом. Фары наших машин отбрасывают яркий дрожащий свет на окружающие нас пейзажи... Наконец мы попадаем на равнину. Ветер крепчает, по чёрному небу плывут тяжёлые облака. К одиннадцати часам ночи мы оказываемся на скалистом Малаховом кургане. Одна из шин внезапно лопается. В то время как механики заменяют колесо, мы расстилаем на земле тёплые шали и, голодные и усталые, ложимся на них, тесно прижавшись друг к другу. Посреди камней и редкой растительности Малахова кургана завывающий ветер напоминает о том, что когда-то здесь лежали ещё более усталые, чем мы, солдаты, усталые до такой степени, что жизнь навсегда покинула их. И это завывание ветра очень похоже на свист пуль и вой снарядов той эпохи...¹

19 апреля. Этим утром мы решили погулять по Севастополю. Во время прогулки я беру урок русского языка, пытаюсь расшифровать названия магазинных вывесок. Почему у русских такой сложный алфавит? Наверное, для того, чтобы запутать французов. Судите сами, русские заимствовали некоторые буквы латинского алфавита и произносят их совсем по-другому. Их буква *H* читается как наша *N*, а буква *P* обозначает нашу *R*!² И потом, в русском языке существуют большие различия в написании печатных и прописных букв. Поэтому считается серьёзным достижением, когда после нескольких недель пребывания в России иностранец может правильно прочесть названия магазинов. Что касается адреса, написанного от руки, то лучше всего просто отказаться от малейшей попытки прочесть этот ребус. Я до сих пор так и не научился писать по-русски своё имя. И ещё одно. Находясь в России на протяжении уже восьми дней, я обнаружил, что очень мало русских владеют французским языком и

---

¹Имеется в виду Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг.

²Анэ, кажется, не учёл, что русский алфавит произошёл от кириллицы старославянского языка, а кириллица восходит к греческому языку (не к латинскому).

что мнение, сложившееся во Франции на этот счёт, ошибочно. Те русские, которые говорят по-французски, чаще всего живут во Франции или довольно часто посещают наши бальнеологические курорты... Я утверждаю, что российские извозчики, рабочие, полицейские, крестьяне и пастухи не знакомы даже с азами нашего языка. Таким образом, те, кто хочет путешествовать по России на автомобиле, должны уметь говорить и читать по-русски. Нашим переводчиком является Эммануэль Бибеску. Что же касается нас самих, то с помощью жестов нам иногда удаётся и без знания языка решать некоторые мелкие бытовые вопросы. Главное – мы выучили волшебную фразу: «Stakan tchaiou, rojalousta!», произнеся которую даже в самой глухой деревеньке, перед нашим взором, как по мановению волшебной палочки, появляется стакан превосходного горячего напитка.

После обеда мы отправляемся в Ялту по южнобережной горной дороге протяжённостью восемьдесят километров. Наша первая остановка – монастырь Святого Георгия¹. Чтобы добраться туда, необходимо покинуть шоссе и по просёлочной дороге проехать около пятнадцати километров. Наши машины явно отвыкли от таких условий езды. Сопровождающий нас местный крестьянин сбился с пути, и мы налетели на бордюр огромной ямы. Для того, чтобы продолжить путь, некоторое время нам пришлось в качестве дорожных рабочих таскать камни и заполнять ими яму. Наши дамы мужественно работали наравне со всеми. Если в начале этой довольно авантюрной экспедиции я и испытывал некоторые опасения по поводу этих женщин, привыкших к неге и роскоши, то по ходу путешествия ваш покорный слуга абсолютно успокоился на этот счёт. Я видел в Бессарабии, как они не спали целыми ночами, как преодолевали все лишения с улыбкой на устах. Их жизнерадостность и хорошее настроение воодушевляли мужчин и гасили многие конфликты, частенько возникавшие во время длительной, утомительной экспедиции. Поэтому я рекомендую всем мужчинам обязательно брать с собой в путешествие молодых дам...

Монастырь Святого Георгия, возведённый на скалистом выступе высотой в триста метров, очень красиво нависает над морем. Длинноволосые монахи, живущие в нём, имеют все основания для того, чтобы днём и ночью возносить свои молитвы творцу, создавшему такой восхитительный вид.

Вернувшись на основную дорогу, мы продолжаем путь мимо прекрасных долин, волнистых курганов, белоснежных холмов и плодородных полей, орошаемых многочисленными речушками.

---

¹ Балаклавский монастырь Св. Георгия (Георгиевский или Свято-Георгиевский) – православный монастырь, расположенный между Мраморной балкой и мысом Фиолент. По легенде, он основан греческими мореплавателями в 891 г., чудом спасшимися от гибели во время бури у юго-западного берега Крыма. Пещерная церковь, построенная ими, посвящена Св. Георгию, в котором видели святого заступника и покровителя моряков. Большинство исследователей склонны считать, что монастырь основан в конце XIV – XV в. В XIX в. в нём обитали иеромонахи Черноморского флота; тогда были произведены значительные ремонтные и строительные работы, возведены новые храмы. В 1929 г. монастырь был закрыт. В 90-х гг. XX в. возрождён и ныне принадлежит православной церкви.

К пяти часам вечера наша экспедиция прибывает в Балаклаву. Мы попадаем в какой-то сказочно-миниатюрный городок: маленькие зелёные сады рядом с крошечными домиками, кружева холмов, украшенных остатками генуэзской башни¹ и окружающих что-то наподобие огромного озера с чистой голубой водой, подёрнутой рябью вечернего бриза; вдоль этого озера по всей его окружности следует низкая набережная, а в самом озере мирно дремлют гребные и парусные лодки².

На небольшом расстоянии от нас стоит самый настоящий миноносец с вымпелом на мачте и матросами, с большим интересом рассматривающими наши автомобили. Без сомнения, он именно из-за нас зашёл в эту бухту, и нам было очень приятно созерцать это судно. Мы подходим к концу набережной и замечаем узкий, бутылочный проход из Балаклавской бухты в открытое море. С двух сторон этот проход окружён высокой скалистой стеной. Вскоре мы продолжили свой путь, очарованные этой игрушечной зелёно-голубой Балаклавой, спрятавшейся посреди меловых холмов.

Удобно устроившись на комфортабельных сидениях авто, при свете заходящего солнца в прозрачном небе, мы наслаждаемся окружающими очаровательными пейзажами. Молодые дамы читают нам стихи Ронсара, Шенье, Виньи и Верлена, в которых воспеваются дальние загадочные страны³. Горы приобретают розовый оттенок заходящего солнца. Дорога зигзагами поднимается вверх. И вот мы уже достигаем перевала. После монастыря Святого Георгия нам пока ещё ни разу не встретился морской пейзаж.

Подъезжаем к широкой арке, перегораживающей дорогу. Это – знаменитые Байдарские ворота⁴. Как только мы пересекаем арку, перед нами открывается поразительная картина: слева и справа высются островерхие скалы, покрытые густой растительностью, в восьмидесяти метрах под нами ласково плещется синее море, впереди

---

¹ Генуэзская крепость Чембало (Цембало), основанная в 40-х гг. XIV в., находится на вершине и склонах горы Крепостной (бывшая Кастрон – *греч.* «крепость»), у входа в Балаклавскую бухту. Крепостной ансамбль состоял из двух городов-крепостей: верхнего города-крепости Св. Николая (внутренний узел обороны, административная часть колонии и резиденция консула Чембало) и нижнего города-крепости Св. Георгия (внешний узел обороны). Толщина оборонительных стен крепости достигала 2 м. Башни и стены украшали плиты с надписями и гербами. Летом 1475 г. крепость захватили турки, переименовали в Балаклаву, разместили в ней свой гарнизон и использовали как темницу. Турки покинули крепость в 1771 г. После присоединения Крыма к России Балаклаву заселили греки. На территории крепости разместился гарнизон, однако сама она уже не использовалась в военных целях. С начала 1990-х гг. здесь проводятся систематические археологические исследования и ремонтно-реставрационные работы.

² Это уникальная по своей конфигурации Балаклавская бухта.

³ Это известные французские поэты, писатели: Пьер де Ронсар (1524–1585); Андре Мари де Шенье (1762–1794); Альфред Виктор де Виньи (1797–1863); Поль Мари Верлен (1844–1896).

⁴ Байдарские ворота (Байдарский перевал, Байдар-Богаз) – горный перевал (высота 503 м над у. м.) на южной оконечности Байдарской долины, ведущий из Севастополя на Южный берег Крыма. Здесь в 1848 г. по проекту южнобережного архитектора Карла Ивановича Эшлимана была построена монументальная каменная арка – собственно ворота, задуманная автором в классическом стиле. Её возведение приурочено к окончанию постройки дороги, соединившей Севастополь с Ялтой.

на небольшом холме высятся пять золочёных куполов православной церкви¹, а у подножия циклопических скал цветут фруктовые деревья. Узкая козья тропа ведёт вниз, в маленькую приморскую деревню².

Солнце, заходя за горизонт, оставляет позади себя горы и море, покрытые синевато-розовым цветом. Здесь царит абсолютная тишина, и мы просто околдованы этим зрелищем. Слева из-за моря встаёт огромная красноватая луна. Она поднимается всё выше и выше, становится жёлтой, и вскоре на морской глади появляется бледно-золотой веер лунного света. Один только вид спуска вниз вызывает головокружение. Дорога следует спиралью с очень крутыми поворотами. Но у нас уже есть опыт езды по Бессарабии, поэтому мы ничего не боимся.

Ещё не изобрели такую дорогу, которая смогла бы остановить нашего бесстрашного и уверенного в себе Георгия Бибеску. В самом начале экспедиции я вручил ему самое ценное, что у меня есть, – свою жизнь. Он дал слово, что возвратит меня в Париж целым и невредимым. Так что это – его забота, пусть выкручивается сам, точка. Управляет ли он парусником, или держит в руках руль автомобиля, этот человек всегда мыслит в правильном направлении, принимает верное решение, рискует и побеждает.

Мне уже приходилось высоко и опасно подпрыгивать, находясь на заднем сидении. Но даже на высоте трёх метров я не испытывал ни малейшего страха, будучи убеждённым в том, что, несмотря ни на что, я обязательно снова приземлюсь на своё место. Именно так всё и происходило. После сотни колдобин и подпрыгиваний на них, когда ты невольно в течение нескольких секунд оказываешься в состоянии свободного полёта, уже перестаёшь обращать внимание на такого рода манеру передвижения, которая чем-то напоминает прыжок лягушки в сочетании с парением птицы. Крепко сжимая руль в руках, постоянно держа ноги рядом с тормозами, невозмутимый Бибеску вот уже двадцать два часа как неотрывно следит за дорогой. Я никогда и ни за что не променял бы такого механика на другого. И это доказывает тот факт, что автолюбитель часто бывает лучше любого профессионала...

Опустилась ночь. Очень любопытно наблюдать за тем, как на данной широте в это время года ночь наступает каждые тринадцать часов. Восемь дней назад такое явление весьма удивило нас, а сегодня мы к этому уже привыкли. Сейчас мы просто переходим в разряд ночных автомобилистов. Если кто-то предпочитает яркий утренний свет и палящее полуденное солнце, то мы выбираем для передвижения по Крыму в основном прохладную темень ночи, придающей любому, самому банальному пейзажу таинственный вид...

Наконец, за мысом показался маяк, затем засверкали портовые огни, ещё десять вёрст среди нескончаемых ароматно цветущих садов, и вот уже наша процессия въезжает на набережную Ялты. Как всегда, оставшись без ужина, мы умираем от голода!..

---

¹Анэ говорит о церкви Воскресения Христова, построенной в 1892 г. на высокой Красной скале владельцем форосского имения А. Г. Кузнецовым. Автор проекта – академик архитектуры Николай Михайлович Чагин. В работе над внутренней отделкой церкви трудились знаменитые мастера. В советское время форосская церковь использовалась не по назначению, ветшала. В 80-х – 90-х гг. XX в. храм реставрировался и ныне является действующим.

²Это деревня Форос (ныне пгт Форос).

20 апреля. Должен признаться, что не только красота города, но и недавние революционные волнения привлекли нас в Ялту. С тех пор как мы находимся в России, о волнениях и погромах в которой без устали трубят в зарубежной прессе, мы ещё ни разу не видели ни малейшей стычки и ни одного покушения на представителя власти. Ни один полицейский пока ещё не пожертвовал собой ради нашего спасения.

Безусловно, каждый из нас вооружён револьвером. Кроме того, в автомобиле припасены карабин и охотничье ружьё. Наши компаньонки носят на поясах маленькие острые кинжалы для защиты своих чести и достоинства. Правда, пока что эти кинжалы использовались только лишь для разрезания листов совершенно новенького экземпляра «Любви» Стендаля...¹ Что касается Эммануэля Бибеску, то он вооружён... пилочкой для ногтей. Надо признаться, что с самого начала путешествия наше оружие хранилось в автомобиле, так как револьвер очень тяжёл для постоянного ношения. Итак, будучи в Ялте, мы с жадностью ищем следы революционных беспорядков.

– Смотрите, вон там разбитая витрина!

– А вот сгоревший дом!

– Наконец-то!

Мы ведём себя, как самые кровожадные дикари. Нам рассказывают, что в течение сорока восьми часов Ялта находилась во власти бунтовщиков. Одна дама сообщила нам, что один из сожжённых домов принадлежал ей. При этом её рассказ сопровождался истерическим хохотом бедняжки.

– Наше пианино успели спасти, спустив его вниз на верёвках через окно. Оно так смешно болталось в воздухе!

Дама никак не может принять серьёзный вид, и меня удивляет, с какой лёгкостью она воспринимает свою трагедию. Один парикмахер-француз весь кипит от негодования по поводу того, что офицеры не отдали приказа солдатам стрелять в бунтовщиков...

Сегодня город выглядит абсолютно умиротворённым...

В курортной Ялте хозяйничает шумная корпорация татарских извозчиков. Их насчитывается около трехсот. Сейчас они выстроились со своими экипажами вдоль набережной. Шум неизвестных им автомобилей сильно пугает животных. Они встают на дыбы и кидаются в стороны. Настоящий хаос! Извозчики ругают нас самыми последними словами. Мы же со своей стороны терпеливо выжидаем, когда закончится поток этих непонятных нам и почему-то адресованных нашим родителям слов...

Не прошло и суток, как на имя губернатора Тавриды, брата знаменитого властного шефа Санкт-Петербургской полиции Трепова, валом повалили жалобы². Нас

---

¹ Произведение Стендаля (литературный псевдоним французского писателя Анри-Мари Бейля (1783–1842)) «О любви» (1822 г.) – психологическое эссе (иногда его называют трактатом).

² Владимир Фёдорович Трепов (1860 (1863) – 1918) – таврический губернатор в 1902–1905 гг.; с 1905 г. – сенатор, в 1908–1911 гг. – член Государственного Совета. Его брат – Дмитрий Фёдорович Трепов (1855–1906) – генерал-майор (с 1900 г.), московский обер-полицмейстер (1896–1905 гг.), в январе 1905 г. назначен Санкт-Петербургским генерал-губернатором, в мае 1905 г. дополнительно к этому – товарищем министра внутренних дел, одновременно заведовал полицией и командовал отдельным корпусом жандармов.

лично посетил раздражённый начальник ялтинской полиции. Как только мы предъявили ему бумагу с печатью и подписью какого-то сановника, отношение к нам резко изменилось. Он учтиво поклонился и выразил уверения в своей глубочайшей преданности нам.

В этот же день мы узнали, что на недалеко расположенной вилле остановился на лечение Максим Горький. Я решил навестить знаменитого писателя. Один фармацевт снабдил меня нужным адресом, и я отправился в путь.

Мой автомобиль следует по дороге в Ливадию, затем въезжает в парк под названием Чукурлар¹; здесь, в стороне от пыльной дороги хаотично разбросаны дачи, фасадами обращённые к морю. Природа тут несколько диковата, что наряду с виноградниками и цветущими фруктовыми садами придаёт Южному берегу Крыма какой-то особый шарм. Здесь не растут саблевидные кактусы, блестящие пальмы, колючие алоэ и уродливые араукарии, увы, так успешно прижившиеся на французском Лазурном берегу.

Крайний дом, к которому ведёт извилистая аллея, представляет собой одноэтажную белоснежную виллу в итальянском стиле с террасой и плоской крышей. Стоящая у двери служанка не понимает ни одного слова по-французски. Я захожу в вестибюль. Навстречу мне выходит крепкий мужчина, одетый во всё чёрное. Это – Максим Горький. Проводив меня в небольшой салон, он сразу же быстрым шагом удаляется в соседнюю комнату. Помещение, в котором я нахожусь, имеет высокий потолок и чисто выбеленные стены. Горький возвращается в сопровождении своей жены. Я представляюсь хозяевам, говоря им, что сюда меня привели давнее восхищение талантом писателя и живая симпатия к его семье.

Госпожа Горький² очень хорошо говорит по-французски. Она немного стесняется меня, у неё нежный голос и очаровательное произношение. Горький говорит только по-русски, но благодаря посредничеству его жены между нами тремя завязывается довольно содержательная беседа. Как только писатель узнаёт, что я прибыл из Парижа, где вожу знакомства со многими французскими литераторами, произведения которых очень нравятся Горькому, его лицо сразу же светлеет. Он хочет высказать своё восхищение писателями, произведения которых читал только в переводе на русский язык. Больше всех ему нравятся представители натуралистической школы, прежде всего Флобер, Мопассан, братья Гонкуры, а также наши современники: Анатоль Франс, Пьер Лоти и Октав Мирбо³. Именно Мирбо потряс Горького до глубины души. Толстой уже давно выражал свой восторг перед творчеством этого француза.

---

¹Ландшафтный парк «Чукурлар» заложен во второй половине XIX в. недалеко от Ялты, на западном берегу Ялтинского залива. (Земли здесь принадлежали представителям дворянского рода Корсаковых.) Ныне это произведение садово-паркового искусства расположено в черте города Ялты, славится разнообразными видами растений, включая редкие и очень старые.

²Так Анэ называет Марию Фёдоровну Андрееву (урожд. Юрковская, в первом браке Желябужская; 1868–1953) – актрису московского Художественного театра, гражданскую жену А. М. Горького.

³Французские писатели: Гюстав Флобер (1821–1880); Ги де Мопассан (1850–1893); братья Эдмон де Гонкур (1822–1896) и Жюль де Гонкур (1830–1870); Анатоль Франс (Франсуа Анатоль Тибо; 1844–1924); Пьер Лоти (Жюльен Вио; 1850–1923); Октав Мирбо (1848–1917).

Самое страстное, трагическое и болезненное в его произведениях, таких как «Голгофа» и «Дневник горничной», – это яростная сатира на современное общество¹. Именно она завоевала сердца двух самых великих русских писателей нашего времени.

В то время как Горький говорит, я стараюсь хорошенько рассмотреть его. Он коренаст, строен и гибок. Одет во что-то наподобие свободно сидящей на нём чёрной суконной туники со стоячим воротничком и чёрные брюки из той же ткани, заправленные в мягкие сапоги. Носит украшенный серебром кожаный пояс. У него неровные черты измученного лица, широкие ноздри и ярко-голубые глаза, в которых читается сильная воля и решимость, глаза истрадавшего человека дела, который тратит себя всего, без остатка. Мощный лоб изрезан глубокими морщинами, светлые волосы зачёсаны назад, на подбородке – маленькая, редкая рыжая борода.

Он наклоняется к нам, чтобы прислушаться к нашей беседе. Как только мадам Горький переводит мужу мои слова о глубокой симпатии французов к нему в этот тяжёлый момент его жизни, напряжение на лице писателя спадает, взгляд смягчается, начинают блестеть глаза, а рот расплывается в счастливой, доверчивой улыбке человека большой доброты и душевной молодости.

Госпожа Горький рассказывает, как её муж был арестован в Риге, куда он приехал к своей заболевшей жене. Не дав ему и часа передышки, его увезли в Санкт-Петербург и поместили в Петропавловскую крепость². Там Горького обыскали и заставили полностью раздеться. Долгое время он оставался голым в холодной камере, стоя босыми ногами на каменном полу. Именно тогда у него появился сильный кашель, лечиться от которого он и приехал в Ялту. Горький не жаловался на тюремные условия. Главной пыткой было то, что ему запрещали переписываться с больной женой. Наконец писателя временно выпустили из тюрьмы.

Его самым большим преступлением явилось то, что он со своими друзьями делал всё возможное, чтобы избежать ужасной январской бойни. Накануне побоища, в пятницу и субботу, он безуспешно обивал пороги различных министерств, пытаясь образумить царских чиновников. Об этом известно всем. Затем он написал рассказ о трагических днях, а также на черновике составил воззвание³. Этот-то черновик и обнаружил полиция в доме у одного из друзей писателя. Данный призыв не был кем-либо подписан, напечатан или рукописно размножен. В сущности, у следствия нет никакой законной базы для преследования. Процесс должен состояться за закрытыми дверями, но дата его, судя по сообщениям прессы, пока не определена. Всё говорит о том, что никто не заинтересован в раскрытии этого дела...

---

¹Октав Мирбо (1848–1917) – автор романов, пьес, публицистических произведений. Его романы «Голгофа» (1886 г.) и «Дневник горничной» (1900 г.) переводились на русский язык и пользовались популярностью в России.

²Осуждение М. Горьким расстрела мирной демонстрации рабочих в Петербурге 9 января 1905 г. повлекло за собой арест писателя в Риге 11 января и заключение его в Петропавловскую крепость в Петербурге 12 января, где он находился в течение месяца и был выпущен только благодаря последовавшим за этим протестам в обществе. В правительственные учреждения шли письма, телеграммы. В Европе, США началось движение в защиту русского писателя.

³Воззвание «Ко всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств» М. Горький написал 9 января 1905 г., обвинив в нём министра внутренних дел и Николая II «в бессмысленном убийстве многих русских граждан».

Постепенно разговор заходит о биографии Горького. По этому поводу и во Франции, и в России написано много лжи. Говорят, что он родился в нищете. Неправда. Он познал нищету, самостоятельно выбрав для себя этот путь, а это совсем иное.

Горький родился в Нижнем Новгороде в небедной семье. Его дед – маляр-подрядчик на строительных работах – сам дал внуку начальное образование. Школу Максим Горький не посещал. Дед, желая, чтобы юноша пошёл по его стопам, обучил парня своей профессии. Но Горький восстал, он мечтал не о малярных работах, а о путешествиях по свету. Поэтому он и сбежал. Так началась полная приключений жизнь Максима Горького. Он плывал юнгой на пароходе, курсировавшем по Волге, работал помощником пекаря. Познал нищету, страдания обездоленных, жил среди тех, главной заботой которых было найти кусок хлеба на пропитание; он видел тяжёлую жизнь рабочих и крестьян, а также тех, кто находится на обочине жизни, «экс-человеков», как он их называл. Необходимость самому зарабатывать на жизнь, жажда перемен, желание увидеть новые края и условия жизни разных людей сделали из него странника, путешествовавшего по необъятным просторам России. Он несколько раз пересекал огромную территорию империи с севера на юг и с востока на запад, от лесистых финских берегов с затерянными озёрами, берёзами и соснами до прекрасных и суровых Кавказских гор. Да, он был бродягой, но он этого хотел. А ведь мог стать простым маляром, как его дед. Интересная деталь: для властей он так и остался «маляром и писателем», как это записано в обвинительном акте. Говорят, что Горький был неграмотен. Ложь. Молодой человек, где бы он ни был, всегда урывками по ночам читал произведения русских и зарубежных авторов.

– В то время мой муж был очень беден, – продолжает свой рассказ госпожа Горький: у него не было денег даже для того, чтобы купить себе свечей, поэтому он собирал консервные банки из-под сардин, заполнял их тем жиром, что был у него под рукой, и вставлял туда фитиль из шерсти. Эти убогие горелки стали причиной долгой и опасной болезни, которая чуть было не лишила юношу зрения.

Таким образом, мы видим, насколько реальность далека от мифов о неграмотности Горького... Он начал писать в двадцать два года. Сегодня ему тридцать шесть лет. Всего лишь тридцать шесть! Но усталость на его лице красноречиво говорит о годах глубоких страданий, выпавших на долю этого человека.

– Да, тридцать шесть лет, – подхватывает Горький, – во Франции человек такого возраста считается ещё молодым, тогда как в России...

С моих губ срывается провокационный вопрос:

– А каковы взаимоотношения между Горьким и Толстым?

Услышав имя Толстой, Горький посмотрел на меня долгим пристальным взглядом. Он испытывает безграничное восхищение перед творчеством Толстого. Это – самый великий русский писатель. Горький никогда не сможет объяснить словами, чем Толстой был для него в самые трудные периоды его жизни. Позже он сблизился с Толстым и полюбил его; их дружба была безграничной. Горький обожает Толстого-романиста. Но Толстой-апостол, освещающий революционные события в России, – это совсем другой человек! После январского побоища он отправил в газету «Таймс»

письмо, содержание которого огорчило очень многих друзей Толстого¹. Горький намеревался ответить на это письмо, но, учитывая их дружбу с Толстым, не захотел подливать масла в огонь разгоревшейся в прессе кампании критики великого писателя². Кстати, Горькому это стоило очень больших усилий. Госпожа Горький объясняет феномен Толстого:

– Видите ли, – говорит мне она, – Толстой – аристократ. Он родился в среде, которая всегда управляла страной. Он не знаком с жизнью простого народа, не чувствует его чаяний. Он не имеет никакого морального права выступать от имени народа и говорить то, чего сегодня Россия слышать уже не хочет. Мой муж вышел из народа, он его хорошо знает, желает ему помочь и на практике, по-земному делает своё дело.

(В это время я почувствовал, что задел моих собеседников за живое.)

Толстой борется за свою идеальную цель, которую стремится достичь какими-то мистическими средствами. Он хочет, чтобы всё человечество встало под знамёна христианской морали и путём духовного очищения, а также волевого решения отказалось от применения насилия. Для того, кто лицом к лицу общается с богом, не нужны такие понятия, как реальный прогресс экономического развития человечества, уважение личности, неприкосновенность частной жизни, равные права для всех, свобода совести, верховенство закона над силой, образование, доступное всем слоям общества, участие населения в решении общественных задач и т. д. А ведь Россия требует именно этого. Толстому, который не делает никакого различия между политическим и общественным строем Франции, с одной стороны, и России – с другой, Горький во весь голос заявляет: «Прежде всего мы требуем таких же свобод, как и во Франции. Вы проповедуете непротивление силе, а мы хотим конституцию и школы для всего народа!».

Между этими двумя людьми лежит целая пропасть. Горький осознаёт масштаб грандиозных задач, стоящих перед Россией, он видит неграмотность народных масс, страшную силу русской инертности, но вместо того, чтобы пасть духом перед этими трудностями, он наоборот считает их основной причиной для немедленных и активных действий. Ситуация в стране очень напряжённая. Война унесла жизни огромного количества людей, народ обнищал³. Возможно, этот революционный взрыв наконец-то принесёт какие-то положительные результаты.

---

¹Статья Л. Н. Толстого «Об общественном движении в России» появилась в английской газете «Таймс» в феврале 1905 г.

²Горький написал письмо Толстому, настойчиво называя его графом, тем самым чётко обозначив разделяющую их грань. Письмо жёсткое, прямолинейное, никаких компромиссов: «Вы называли несвоевременной и неразумной деятельность тех людей, которым невыносимо больно видеть русский народ голодным, бесправным, подавленным тяжестью насилий над ним»; «... человек, который во дни несчастья своей страны способен заниматься самосовершенствованием своей личности, произвёл бы на всех, кому дороги идеалы правды, красоты и свободы, – отвратительное впечатление бессердечного фарисея и ханжы» [16, с. 280, 282. № 151]. Однако Горький это письмо не отправил Толстому, о чём сообщил в письме к жене: «Написал было ругательское письмо Льву Николаевичу и едва не напечатал, но, когда его начала лягать всякая сволочь, – отложил это в сторону» [18, с. 153. № 185].

³Анэ говорит о Русско-японской войне 1904–1905 гг.

Я сказал Горькому, что надеюсь в скором времени увидеть его в добром здравии во Франции. Он ответил, что пока ещё очень нужен здесь, в России. Я чувствую, как он нервничает, опасаясь потерять силы из-за своей болезни.

– Я не люблю Ялту, – говорит он, – там, на Кавказе, куда вы направляетесь, природа мощнее и красивее.

На рабочем столе жены Горького я заметил французские книги, среди которых очень любимый Горькими «Детский сад» Фрапье¹. Госпожа Горький постоянно держит мужа в курсе самых последних новинок французской литературы. В её доме – повсюду цветы. Я покидаю гостеприимную семью Горьких и навсегда сохраняю в своей памяти энергичное и тёплое рукопожатие известного писателя. Оборачиваясь назад, я замечаю стоящую у входа в дом рядом с крепким, волевым Горьким его хрупкую, деликатную, но очень сильную духом жену. Напротив моря, в окружении цветущих фруктовых деревьев я вижу тихую белоснежную виллу и думаю об этом большом человеке, за которым стоит жаждущая справедливости многострадальная Россия. Нет, я никогда не смогу забыть свой визит к Горькому в Чукурларский парк.

В тот же день, после обеда, пока механики приводили в порядок наши машины, мы решили прогуляться по паркам Массандры². Это место на Южном берегу Крыма особенно славится своей красотой и мягким климатом. Крымские горы высотой в полтора километра хорошо защищают Южное побережье от северных ветров. Они резко обрываются к морю, иногда – заваливая весь берег гигантскими валунами, иногда – оставляя у воды узкую полоску земли, где растут виноградники, фруктовые деревья и тёмные сосны с розовыми стволами. А там, вдали, среди гор, мы видим ниспадающую каскадом горную речку, несущую вниз растаявший снег вперемежку с землёй. Мощные скалистые горы, густые леса, раскинувшиеся у их подножия, россыпи деревьев на склонах холмов, тёплая весенняя атмосфера – всё это способствует тому, чтобы признать Крым одним из самых красивых уголков в мире.

21 апреля. Сегодня мы продолжаем исследовать Южный берег Крыма на своих автомобилях. Проезжаем восхитительные буковые, вязовые и сосновые леса, поляны, усеянные ландышем, подснежником и примулой. В воздухе стоит весенний аромат. По мере того как дорога поднимается в гору, перед нами открывается прекрасный вид на Ялтинский залив и многочисленные белоснежные виллы, утопающие в зелени

---

¹Леон Эжен Фрапье (1863–1947) – французский писатель, драматург, журналист. В 1904 г. его роман «Детский сад» был удостоен Гонкуровской премии – самой престижной литературной премии во Франции.

²Массандра – живописнейшее место Южного берега Крыма (ныне это восточная окраина Ялты), восхищавшее всех путешествовавших по полуострову. В 1828 г. массандровское имение приобрела графиня А. В. Браницкая и подарила своим внукам – Семёну и Софии, детям новороссийского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова и графини Е. К. Воронцовой (урожд. Браницкая). Именем занимался их отец. Обустройством парка, сада, виноградника было поручено мастерам, работавшим под руководством опытных садоводов – Н. А. Гартвиса и К. А. Кебаха. Сажены доставлялись из Никитского ботанического сада. В Нижней Массандре заложен английский парк с экзотическими растениями и множеством цветов, в особенности роз. В Средней Массандре произрастали виноградники, фруктовые деревья, табак. Отличительная особенность Верхней Массандры – леса и луга. Массандра всегда очень нравилась российским императорам и их семьям, и с 1889 г. она стала императорским владением – сначала Александра III, затем Николая II. С этого времени её парки ещё более преобразились благодаря труду талантливых садоводов.

садов. Хотелось бы подольше побыть здесь, под этим голубым небом, и насладиться радостями беспечной жизни. Но мы и так уже отстаём от графика нашего путешествия в Тегеран. И вообще, доедем ли мы когда-нибудь до цели нашей экспедиции?

Во время поездки по окрестностям Ялты в какой-то момент на дороге нам повстречались несколько повозок и крестьянских телег. Увы! Маленькие крестьяне и большие лошади ещё никогда в жизни не видели автомобилей. В результате, несмотря на наше экстренное торможение (во время всего путешествия мы не задавили ни одной курицы), лошадям вдруг сильно захотелось свободы, и они ринулись вперед вместе со своим тяжёлым грузом. Крестьяне разбежались в разные стороны, осыпая нас всевозможными проклятиями. Нам ничего не оставалось, как последовать за испуганными лошадьми.

В одной из деревень, когда мы ехали со скоростью восемь километров в час, один сумасшедший с большой дубинкой в руке вдруг запрыгнул на подножку автомобиля Леонида. «Неужели он собирается разmozжить голову сидящей рядом со мной княгине Бибеску, – подумал я». Нет, этот удар пришёлся по плечу другого человека (не будем называть его имени). Теперь к своему сумасшедшему мужу присоединяется его пьяная жена-мегера. Наконец-то кто-то из нас вытаскивает из своего кармана револьвер. При одном только виде оружия громила падает на обочину дороги. Мы увеличиваем скорость. Огромный булжжик, предназначенный для наших хрупких голов, ударяет о задник автомобиля. Неподальёку мы замечаем группу из двух десятков враждебно настроенных крестьян. Надо быстрее сматываться. Что мы и делаем...

Ливадия – это летняя императорская резиденция¹. Но в этом году государь по понятным причинам не покидает своё Царское село. Перед нами – большой парк, спускающийся к морю. Повсюду раскиданы павильоны для администрации, для императорской свиты, для духовенства и т. д. В двух подобных помещениях проживает сам император. В одном из этих строений скончался Александр III, в другом – в последние годы свой летний отдых проводит Николай II².

Маленькие комнатки, простая, скромная обстановка – так выглядит летний дворец, где дачник-император Всея Руси, обладатель огромного состояния, правит ста сорока миллионами своих подданных. Любой зажиточный лондонский лавочник имеет куда более шикарную виллу в районе Хэмпстед³.

---

¹Ливадийское имение куплено для царской семьи в 1860 г. Александр II подарил его супруге – императрице Марии Александровне. Первыми дворцами здесь были Большой (Марии Александровны) и Малый (построенный для будущего императора Александра III), до нашего времени не сохранившиеся. Здесь ещё при графе Л. С. Потоцком, хозяине имения в 1834–1860 гг., был заложен прекрасный ландшафтный парк с множеством местных и завезённых из-за границы видов растений. Его создатели – талантливые садоводы Э. Делингер, И. Ташер, К. Геккель. Парк украшали скульптуры, фонтаны. При новых владельцах – императорской семье – в парке появилось много новых деревьев, цветов. Ливадийское имение было признано одним из лучших на крымском Южном берегу.

²Александр III, император России в 1881–1894 гг., умер в Ливадийском дворце 20 октября (1 ноября) 1894 г. Царская резиденция в Ливадии перешла к последнему российскому императору – Николаю II (1894–1918 гг.).

³В прежние времена эта территория застраивалась загородными домами. Ныне Хэмпстед – район Лондона с парком и многими достопримечательностями.

Вблизи императорских павильонов на террасах растут гиацинты, тюльпаны, розы, камелии и другие виды цветов. Количество этих цветов приближается к количеству охраняющих резиденцию солдат. На каждом повороте аллея дежурит целый взвод, на полянах солдаты выполняют военные упражнения, некоторые отдыхают на ступеньках императорской лестницы. Цвет солдатской униформы хорошо гармонирует с зеленью парковой листвы. Всё, что мы наблюдаем, – совершенно секретно. Каждый наш шаг внимательно фиксируется сопровождающим нас адъютантом. Под его тревожным взглядом мы становимся похожими на группу робких школьников, которые, совершая экскурсию, держат руки в карманах и изредка тихим голосом переговариваются между собой...

В восемь часов вечера из Севастополя в Ялту прибывает пароход «Великий князь Борис». В первую очередь мы должны убедиться, что наш дополнительный багаж, состоящий из двадцати восьми больших и малых ящиков, оставленных под присмотром гостиничного портье в Севастополе, находится на корабле в целостности и сохранности. Это было одним из самых рискованных моментов нашей экспедиции. Итак, войдя в каюты, мы убеждаемся в том, что весь багаж пребывает в полном порядке. Приятная новость! Наконец в десять часов вечера, после очень сложных маневров по погрузке автомобилей, мы покидаем ялтинский порт, созерцая освещённые лунным светом мирно спящие белоснежные виллы...

Список литературы

1. Андреева М. Ф. Поездка в Крым. Знакомство с Горьким / М. Ф. Андреева // Андреева М. Ф. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. – М.: Искусство, 1961. – С. 40–49.
Andreeva M. F. Pоеzdka v Krym. Znakomstvo s Gor'kim / M. F. Andreeva // Andreeva M. F. Perepiska. Vospominaniya. Stat'i. Dokumenty. – Moskva : Iskusstvo, 1961. – S. 40–49.
2. Анникова Г. Г. Ранний Горький во Франции : 1900–1905 / Г. Г. Анникова // Филологический сборник. – Алма-Ата, 1976. – Вып. 18. – С. 128–143.
Annikova G. G. Ranniy Gor'kiy vo Frantsii : 1900–1905 / G. G. Annikova // Filologicheskii sbornik. – Alma-Ata, 1976. – Vyp. 18. – S. 128–143.
3. Арабатская Ю. Я., Вихляев К. А. Парки Массандры : Прошлое и настоящее / Ю. Я. Арабатская, К. А. Вихляев. – Симферополь : Н. Орианда, 2014. – 57 с
Arabatskaya Yu. Ya., Vikhlyaev K. A. Parki Massandry : Proshloe i nastoyashchee / Yu. Ya. Arabatskaya, K. A. Vikhlyaev. – Simferopol' : N. Orianda, 2014. – 57 s.
4. Бурба Д. В. Крымские дороги графа Льва Толстого – офицера, писателя, мыслителя, человека / Д. В. Бурба. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2011. – 336 с
Burba D. V. Krymskie dorogi grafa L'va Tolstogo – ofitsera, pisatelya, myslitelya, cheloveka / D. V. Burba. – Simferopol' : Biznes-Inform, 2011. – 336 s.
5. Быстрова Ю. М. Из истории русско-французских культурных связей в начале XX века : Популярность раннего творчества М. Горького во Франции / Ю. М. Быстрова // Вестник Саратовского государственного технического университета. – Саратов, 2007. – № 1 (21). – Вып. 1. – С. 228–233.
Bystrova Yu. M. Iz istorii russko-frantsuzskikh kul'turnykh svyazey v nachale XX veka: Populyarnost' rannego tvorchestva M. Gor'kogo vo Frantsii / Yu. M. Bystrova // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. – Saratov, 2007. – № 1 (21). – Vyp. 1. – S. 228–233.
6. Быстрова Ю. М. Русско-французские культурные связи в конце XIX – начале XX в. : автореф. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2010. – 26 с.
Bystrova Yu. M. Russko-frantsuzskie kul'turnye svyazi v kontse XIX – nachale XX v. : avtoref. ... kand. ist. nauk. – Saratov, 2010. – 26 s.
7. Васильева Н. В., Брагина Т. А. Хозяева и гости дворянских имений Крыма / Н. В. Васильева, Т. А. Брагина. – М. : Глобус, 2002. – 232 с.

- Vasil'eva N. V., Bragina T. A. Khozyaeva i gosti dvoryanskikh imeniy Kryma / N. V. Vasil'eva, T. A. Bragina. – Moskva : Globus, 2002. – 232 s.
8. В-ий Г. [Вернадский Г.] Французская книга о русской революции / Г. В-ий [Г. Вернадский] // Таврический голос. – Симферополь, 1920. 28 января (10 февраля). – № 147 (297).
- V-iy G. [Vernadskiy G.] Frantsuzskaya kniga o russkoy revolyutsii / G. V-iy [G. Vernadskiy] // Tavricheskii golos. – Simferopol', 1920. 28 yanvarya (10 fevralya). – № 147 (297).
9. Вернадский Г. В. Французская книга о русской революции / Г. В. Вернадский // Филимонов С. Б. Интеллигенция в Крыму (1917–1920): Поиски и находки источникововеда. – Симферополь : ЧерноморПресс, 2006. – С. 131–139.
- Vernadskiy G. V. Frantsuzskaya kniga o russkoy revolyutsii / G. V. Vernadskiy // Filimonov S. B. Intelligentsiya v Krymu (1917–1920) : Poiski i nakhodki istochnikoveda. – Simferopol' : ChernomorPress, 2006. – S. 131–139.
10. Вогюэ Э. М. Французская критика о Максиме Горьком / Э. М. Вогюэ / Пер. с франц. А. Пуцелло. – СПб. : Тип. Тов-ва «Общественная польза», 1904. – 50 с.
- Vogyue E. M. Frantsuzskaya kritika o Maksime Gor'kom / E. M. Vogyue / Per. s frants. A. Putsello. – Sankt-Peterburg : Tipografiya Tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1904. – 50 s.
11. Вуль Р. М. А. М. Горький в Крыму : Очерк жизни и творчества / Р. М. Вуль. – Симферополь : Крымиздат, 1961. – 108 с.
- Vul' R. M. A. M. Gor'kiy v Krymu : Ocherk zhizni i tvorchestva / R. M. Vul'. – Simferopol' : Krymizdat, 1961. – 108 s.
12. Выгон М. И. Крымские страницы жизни и творчества Л. Н. Толстого / М. И. Выгон. – Симферополь : Таврия, 1978. – 158 с.
- Vygon M. I. Krymskie stranitsy zhizni i tvorchestva L. N. Tolstogo / M. I. Vygon. – Simferopol' : Tavriya, 1978. – 158 s.
13. Галиченко А. А. Олеиз / А. А. Галиченко. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2008. – 52 с.
- Galichenko A. A. Oleiz / A. A. Galichenko. – Simferopol' : Biznes-Inform, 2008. – 52 s.
14. Галиченко А. А. Старинные усадьбы Крыма / А. А. Галиченко. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2008. – 416 с.
- Galichenko A. A. Starinnye usad'by Kryma / A. A. Galichenko. – Simferopol' : Biznes-Inform, 2008. – 416 s.
15. Горький – Л. Н. Толстому. 18 или 19 января 1900, Н. Новгород // Переписка М. Горького : В 2-х т. – М. : Художественная литература, 1986. – Т. 1. – С. 134. № 63.
- Gor'kiy – L. N. Tolstomu. 18 ili 19 yanvarya 1900, N. Novgorod // Perepiska M. Gor'kogo : V 2-kh t. – Moskva : Khudozhestvennaya literatura, 1986. – T. 1. – S. 134. № 63.
16. Горький – Л. Н. Толстому. 5 (18) марта 1905, Эдинбург // Переписка М. Горького : В 2-х т. – М. : Художественная литература, 1986. – Т. 1. – С. 279–283. № 151.
- Gor'kiy – L. N. Tolstomu. 5 (18) marta 1905, Edinburg // Perepiska M. Gor'kogo : V 2-kh t. – Moskva : Khudozhestvennaya literatura, 1986. – T. 1. – S. 279–283. № 151.
17. Горький – С. А. Венгеру. Июль, около 28 (август, около 10) 1908, Капри // Переписка М. Горького : В 2-х т. – М. : Художественная литература, 1986. – Т. 1. – С. 371. № 199.
- Gor'kiy – S. A. Vengerovu. Iyul', okolo 28 (avgust, okolo 10) 1908, Kapri // Perepiska M. Gor'kogo : V 2-kh t. – Moskva : Khudozhestvennaya literatura, 1986. – T. 1. – S. 371. № 199.
18. Горький – Е. П. Пешковой. 12 или 13 марта 1905 г., из Риги в Ялту // Горький А. М. Письма к Е. П. Пешковой: 1895–1906. (Архив А. М. Горького. – Т. 5.) – М. : Гос. изд-во художественной литературы, 1955. – С. 152–153. № 185.
- Gor'kiy – E. P. Peshkovoy. 12 ili 13 marta 1905 g., iz Rigi v Yaltu // Gor'kiy A. M. Pis'ma k E. P. Peshkovoy : 1895–1906. (Arkhir A. M. Gor'kogo. – T. 5.) – Moskva : Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1955. – S. 152–153. № 185.
19. Горький – Е. П. Пешковой. 5 или 6 (18 или 19) ноября 1910, Капри // Переписка М. Горького : В 2-х т. – М. : Художественная литература, 1986. – Т. 1. – С. 425–427. № 228.
- Gor'kiy – E. P. Peshkovoy. 5 ili 6 (18 ili 19) noyabrya 1910, Kapri // Perepiska M. Gor'kogo : V 2-kh t. – Moskva : Khudozhestvennaya literatura, 1986. – T. 1. – S. 425–427. № 228.
20. Горький М. Материалы и исследования. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. – Т. 2. – 484 с.

- Gor'kij M. Materialy i issledovanija. – Moskva ; Leningrad : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1936. – Т. 2. – 484 s.
21. Горький М. Лев Толстой / М. Горький // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников : В 2-х т. – М. : Художественная литература, 1978. – Т. 2. – С. 461–506.
- Gor'kij M. Lev Tolstoj / M. Gor'kij // L. N. Tolstoj v vospominanijah sovremennikov : V 2-kh t. – Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1978. – Т. 2. – С. 461–506.
22. Горький М. «Несвоевременные мысли» и рассуждения о революции и культуре (1917–1918 гг.) / М. Горький. – М.: МСП «Интерконтакт», 1990. – 192 с.
- Gor'kij M. «Nesvoevremennye mysli» i rassuzhdenija o revoljucii i kul'ture (1917–1918 gg.) / M. Gor'kij. – Moskva : MSP «Interkontakt», 1990. – 192 s.
23. Дегтярёв П. А., Вуль Р. М. У литературной карты Крыма: Литературно-краеведческие очерки / П. А. Дегтярёв, Р. М. Вуль. – Симферополь : Крым, 1965. – 400 с.
- Degtjarjov P. A., Vul' R. M. U literaturnoj karty Kryma : Literaturno-kraevedcheskie ocherki / P. A. Degtjarjov, R. M. Vul'. – Simferopol' : Krym, 1965. – 400 s.
24. Кунцевская Г. Н. Благословенная Таврида : Крым глазами великих русских писателей / Г. Н. Кунцевская. – М. : б. и., 2011. – 392 с.
- Kuncevskaia G. N. Blagoslovennaja Tavrida : Krym glazami velikih russkikh pisatelej / G. N. Kuncevskaia. – Moskva : b. i., 2011. – 392 s.
25. Лев Толстой в Гаспре : Воспоминания и документы. – Симферополь : Крымская академия гуманитарных наук, 1998. – 70 с.
- Lev Tolstoj v Gaspri : Vospominanija i dokumenty. – Simferopol' : Krymskaja akademija gumanitarnyh nauk, 1998. – 70 s.
26. Никулин Л. В. <В доме Горького> / Л. В. Никулин // Максим Горький в воспоминаниях современников : В 2-х т. – М. : Художественная литература, 1981. – Т. 2. – С. 233–239.
- Nikulin L. V. <V dome Gor'kogo> / L. V. Nikulin // Maksim Gor'kij v vospominanijah sovremennikov : V 2-h t. – Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1981. – Т. 2. – С. 233–239.
27. Опульский А. И. Л. Н. Толстой в Крыму : Литературно-краеведческий очерк / А. И. Опульский. – Симферополь : Крымиздат, 1960. – 96 с.
- Opu'skij A. I. L. N. Tolstoj v Krymu : Literaturno-kraevedcheskij ocherk / A. I. Opu'skij. – Simferopol' : Krymizdat, 1960. – 96 s.
28. Шкапа И. С. Семь лет с Горьким : Воспоминания / И. С. Шкапа. – М. : Советский писатель, 1964. – 384 с.
- Shkapa I. S. Sem' let s Gor'kim : Vospominanija / I. S. Shkapa. – M. : Sovetskij pisatel', 1964. – 384 s.
29. Anet Claude. La Perseen automobile a travers la Russie et le Caucase / C. Anet. – Paris : Felix Juven, 1906. – 313 p.
30. Anet Claude. La Revolution russe : 4 vol. / C. Anet. – Paris : Payot, 1917–1919.
31. М. Anet Claude, notre envoyé spécial à Petrograd, arrêté puis relâché (Petrograd, 2 mai) [Г<осподин> Клод Анэ, наш специальный корреспондент в Петрограде, арестован, а затем отпущен на свободу. Петроград, 2 мая] // LePetitParisien. – Paris, 1918. 17 mai. – Р. 1. (Заметка опубликована под рубрикой «Большевицкий произвол».)
- M. Anet Claude, notre envoyé spécial à Petrograd, arrêté puis relâché (Petrograd, 2 mai) [G<осподин> Klod Anje, nash special'nyj korrespondent v Petrograde, arestovan, a zatem otpushhen na svobodu. Petrograd, 2 maja] // Le Petit Parisien. – Paris, 1918. 17 mai. – R. 1. (Zametka opublikovana pod rubrikoy «Bol'shevistskij proizvol».)

Petrova E. B. The Crimean voyage of the French writer Claude Anet. The year of 1905

Among the travel writings of the early XX century to the Crimea there is a book of the French writer Claude Anet (literary pseudonym of Jean Schopfer) – «The the Persia by car through Russia and the Caucasus» (Paris, 1906), that is subject of historical and literary interest. The author described his voyage performed in April-June of 1905 in the company of friends. Their stay in the Crimea fell on the 18-21 of April. During this time the travelers visited Sevastopol, Balaklava, Bakhchisaray, Yalta and Livadia. In Yalta Claude Anet met with Maxim Gorky and his civil wife, actress M. F. Andreeva. They talked about the revolutionary events of 1905, of L. N. Tolstoy and his work and worldview.

Keywords: travelers in the Crimea in the beginning of XX century, Claude Anet (Jean Shopfer), revolution of 1905, Maxim Gorky and M. F. Andreeva, L. N. Tolstoy.